

Виталий Рожков

*Сундучок
бабушки Нины.
Сказ третий.*

Мифы и легенды

Виталий Рожков
Сундучок бабушки Нины.
Сказ третий. Мифы и легенды

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=31187617

ISBN 9785449061775

Аннотация

Мы с раннего детства знакомы с Бабой-Ягой и Кощеем Бессмертным. Злые, коварные и беспощадные. Воруют детей и дев молодых, насылают порчу, превращают в волкодлаков. Ужас да и только. А откуда они пришли в наш Поднебесный Мир? О том и есть мой сказ...

Сундучок бабушки Нины. Сказ третий Мифы и легенды

Виталий Рожков

© Виталий Рожков, 2018

ISBN 978-5-4490-6177-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Сказ про зловредную Бабу-Ягу, коварного Кощея Бессмертного и беспощадную Параскею

Светлой памяти моей горячо любимой бабули Нины Николаевны Ворон посвящается

Как взошла новая луна, я тотчас же вышел на перекрёсток четырех дорог и стал кланяться до земли всем сторонам света, восклицая:

– Пронзив и время, и пространство, ко мне явись, моя бабуля! Довольно долгих тебе странствий, прошу, пред мной предстань, немедля!

Прошло всего лишь несколько мгновений и поднялся

очень сильный ветер. Всё вокруг тотчас же пришло в движение. Пятипудовые камни, словно пёрышки, поднимались высоко над землёю и не падали с огромным грохотом назад, а куда-то внезапно исчезали. Вековые дубы вместе с соснами и елями ветер вырывал с корнями подчистую и уносил в неведомые дали. Создавалось впечатление, что кто-то решил то ли плотину, подобно бобрам, соорудить; то ли дом добротный поставить, то ли ещё что, о чём я даже и догадаться не могу. Ведь просто так ни камни, ни деревья не исчезают. Такого ещё никогда не было!

Я уже не раз так призывал мою горячо любимую бабулю. Но обычно перед её появлением то лёгкий ветерок приятно охлаждал разгорячённое лицо; то прямо из воздуха приходили души давно покинувших наш бренный мир людей и, окружив меня, что-то быстро-быстро нашёптывая в оба уха, перебивая друг друга; то из ниоткуда раздавалась приятная слуху мелодия и душа то сворачивалась, то разворачивалась подобно мехам гармони; то звезда падала с небосвода и, озарив всё вокруг сверхярким светом, опускалась прямо ко мне в ладони, ничуть не обжигая; то из-под земли вырастали неземные цветы и так благоухали, что я тотчас же забывал обо всём на свете. А то и вовсе чудо-дивное было. Сначала кто-то чудесно пел соловьём, порождая образы невообразимое. И реальная жизнь тотчас же начинала казаться нереальной. Один раз я очень даже долго приходил

в себя. Никак не мог прогнать из разума образ горько плачущих единорогов. Потом шёл грибной дождик, от которого всё как на дрожжах прямо на глазах расти начинало. И я, взяв, появившуюся из ниоткуда, корзину быстро-быстро собирал ягоды с грибами да орехи кедровые с травами целебными. Чего или кого боялся – не знаю. На вёрст сто ни слуху, ни духу. Одни лишь птицы пели, да звери пробегали по своим делам. Порой лишь к ночи домой возвращался. А корзина-то вовсе бездонная была. Сколько в неё не положи, места никогда не убавится. На целый год потом собранного мной хватало. Наверное, мне это чудо сам Велес, покровитель лесов и зверей, искусства и чародейства, подарил. Затем поднимался лёгкий ветер и слышалось его тихое, успокаивающее душу, перешёптывание с листьями. Порою я даже понимал их неспешный говор. И узнавал такое невообразимое, что потом на целую толстую тетрадь сказок да былей хватало. А перед самым появлением бабули из ниоткуда приходили гигантские слоны и начинали громогласно трубить хоботами. И совсем меня не боялись, а даже катали на своих могучих спинах.

И вдруг на тебе, пожалуйста, настоящий ураган. Сразу же вспомнил про полёт домика девочки Элли и волшебную страну, которой правил великий и ужасный Гудвин. Правда, я никак не тянул на хрупкую героиню. Да и домика такого у меня вовсе не было. А тот, в котором живу, поднять даже

урагану было бы очень и очень трудно. Разве что только крышу бы и унесло. А взмывающие под небеса камни и деревья совсем не были похожи на мигунов с жевунами. Скорее напоминали деревянных солдат злобного Урфина Джюса.

Я из последних сил своих держался за вековой дуб.

«Ну, – думаю, – или меня вместе с деревом унесёт вслед за камнями. Или просто оторвёт руки».

И вспомнил вдруг слова из песни Михаила Ножкина «Последний бой»:

«Ещё немного, ещё чуть-чуть. Последний бой – он трудный самый. А я в Россию домой хочу. Я так давно не видел маму».

«Вот-вот, – пришло тотчас же в голову, – мы еще посмотрим, кто кого».

Хотя, положив руку на сердце, предложи кто мне полететь в Изумрудный город и остаться там навсегда, ни минуты бы не думал. Признаюсь честно, до жути устал от мирской кутерьмы. Хочу:

«В деревню, в глушь, в Сибирь... карету мне карету...»

Пусть даже и пришлось бы в волшебной стране быть простым человеком. И что в этом плохого? Хотя... я смог бы найти общий язык и со Страшилой мудрым, и с Дровосеком сердечным и даже со смелым Львом и Летучими Обезьянами. Да и добрым волшебницам, Виллине, Стелле, Флинте

и Рамине, скучать бы со мной совсем не пришлось. А злобных Гингему и Бастинду давно со свету юная Элли сжила. Да и попадись они мне... э-э-х... Интересно, а моя любимая кошка Глафира стала бы разговаривать в волшебной стране как легендарный Тотошка? Думаю, что да. Как там говорила Алиса, быстро падая в колодец, прыгнув вслед за Белым Кроликом в нору?

Ах, да:

«Едят ли кошки мошек... едят ли мошки кошек...»

А это, после встречи с Чеширским Котом, постоянно исчезающим прямо перед глазами удивлённой девочки, просто шедеврально:

«Бывают на свете коты без улыбок, но чтобы улыбка без кота...»

Пальцы мои уже были готовы разжаться. Но сдаваться какому-то, пусть даже четырежды ураганному, ветру я совсем не собирался. Подумаешь, словно пушинки поднимал пятипудовые камни. Я-то не камень ведь.

– Врёшь, не возьмёшь! – громко ему крикнул, но голос мой был совсем не слышен.

Прошло всего лишь мгновение и он как пёрышко подхватил меня, унеся под самые небеса. Обычно, признаюсь, до самой крупной дрожи боюсь высоты. И вдруг вовсе позабыл об этом. Чем выше поднимался, тем мне всё смешнее и смешнее становилось. Отчего, до сих пор понять не могу.

Лечу себе лечу и вспоминаю знаменитую «пыхтелку» затейника Винни Пуха, которую он пел, висая в воздухе перед пчелиным ульем на воздушном шарике, подаренным добродушным Пятачком:

«Я тучка, тучка, тучка, а вовсе не медведь. А как приятно тучке по небу лететь. А в синем, синем небе порядок и уют. Поэтому все тучки так весело поют».

А ветер всё уносил меня куда-то. Лечу себе лечу и вдруг вспомнил про Мэри Поппинс, летящую на зонтике. И так стало на душе прекрасно сразу. Ведь когда-то и ко мне прилетала эта легендарная няня. Сколько длился полёт, никогда не отвечу. Не засекал время вовсе. Да и захотел бы, всё равно бы не смог. Часы не ношу, не любят они меня. А телефон сотовый с собой не взял. Не любит бабуля излишеств всяких. Оказался я на прекрасном вечнозелёном острове. Точь-в-точь как Буян сказочный он был. Куда ни глянь, повсюду видимо-невидимо беседок всяких разных. А в них, под резными крышами, люди сидели да чай распивали. Долго шёл, ноги так устали, что до сих болеть не перестали.

«Внучек, я здесь», – слышался с детства знакомый голос.

Гляжу, в самой красивой беседке сидят мои бабуля и дедуля за большим круглым столом, когда-то стоявшим в их комнате. А на нём: большой пузатый самовар, из трубы которого столбом не дым чёрный валит, а аромат лаванды, ландыша и левкоя; чашек с блюдцами было так много, что я даже

поначалу растерялся; ложки лежали рядом с сахарницей; вазочки стояли с мёдом и вареньем; блинов была самая огромная куча из когда-либо виденных мною: и с маслом, и с мясом, и с икрой красной да чёрной, и с сёмгой, и со сгущённой.

Даже про вечное чаепитие безумного Шляпника, мартовского Зайца и Мышки Сони припомнилось. Несчастные со временем поссорились и с тех пор на часах вечно пять вечера. Время пить чай.

– Присаживайся, -улыбнувшись, сказала бабуля, – в ногах-то правды нет. Гостем самым дорогим будешь.

– Прыгай на лавку, Виташа, – вторил ей дедуля, – да ешь за обе щеки. Мы-то уже и смотреть на всё это не можем.

Я и не стал повторять просить. Наелся за милую душу.

– Ну, сказку новую хочешь услышать? – подмигнув правым глазом, спросила бабуля.

– Знаешь ведь, – ответил я с улыбкой,, -что очень, очень, приочень.

– Ну, хорошо, – начала бабуля, – расскажу я тебе про Бабу-Ягу, сестру её младшую Параскею, и брата их старшего Кощея Бессмертного. Садись поудобнее и внимательно слушай.

Она надела очки, взяла в руки пряжу и начала свой рассказ.1

Кое-кто верит, что Баба-Яга и Кощей Бессмертный когда-то были самыми обычными людьми, как и мы с тобой, внучек. Происходили они из кривичей, чьё племя жило в верховьях Западной Двины, Днепра и Волги, совсем недалеко от Киева. Баба-Яга тогда звалась Мирославой и, как все девы да бабы, вставала ни свет не заря и то на поле пропадала до глубокой ночи, то за скотиной ухаживала, то по дому прибиралась, то готовила, то пряжу пряла при свете лучины, то песни, для поднятия духа и быстрой работы, пела.

Она была писаной красавицей: черные глаза её проникали до самой души, льняные волосы ниспадали до пояса (она их каждое утро расчёсывала и заплетала в косы), яхонтовые губки так и просили поцеловать себя, чуть вздёрнутый носик как будто бы говорил «попробуй, обидь меня, свет клясть будешь», а немного лопухие ушки могли слышать разговор соседей кривичей, дряговичей да радимичей. Парни за ней табунами бегали, но Мирослава на них даже и внимания не обращала. И всё потому, что очень любила сына младшего вождя их племени Родомила, голубоглазого крепыша Бойко. Да и сам парень души в девушке не чаял. Узнал про любовь их чистую Родомил и в капище Перуна-громовержца, который ему покровительствовал, отправился, дабы совета попросить. Сыну Сварога по душе была Милослава и он с радостью благословил брак её с Бойко, пообещав лично

прибыть на свадьбу. Счастливый Родомил торжество назначил на Коляду (зимнее равноденствие), до которой было всего-навсего несколько дней и даже пригласить уже успел соседских вождей, Баломира из дряговичей и Балована из радимичей. Но свадьба так и не состоялась. И не потому, что Мирослава или Бойко вдруг взяли да и передумали. Или сам Родомил решил всё вспять повернуть, послушавшись Перуна. Нет и ещё раз нет. Всё дело было в Велесе, брате громовержца. Желал он Милославу всей своей тёмной душою и каждую ночь являлся перед ней то в облике медведя, то златорогим оленем, то серым волком, а то и черноглазым красавцем, каждый раз предлагая несметные богатства взамен пылкой любви. Но девушка всегда ему отказывала. Но Велес никак не хотел сдаваться и продолжал навещать к красавице. Дошло до того, что Милослава совсем спать перестала. Тогда отец её, славный Бакуня, Перуну на окаянного пожаловался и громовержец строго-настрого запретил брату являться к девушке. Затаил на него страшную обиду Велес, да только делать нечего было. Хоть и был чародеем, но супротив Перуна идти побоялся. Ведь тот был любимым сыном отца его, Сварога. Перестал совсем к Милославе приходить. Но думать о красавице дальше продолжил. Уж дюже сильно Милослава к нему в душу тёмную напала. Сам не приходил, а посланцев своих, волков да воронов, каждый день присылал. Снова пожаловался Перуну Бакуня и громовержец сказал брату своему:

– Отступись от Милославы. Никогда она не станет твоею. Ибо любит всем сердцем сына Родомилу, крепыша Бойко. Я уже и свадьбу их благословить успел. На Коляду торжество будет.

Как прознал Велес про свадьбу, так тут же разгневался сильно и послал дитя своё, Лихо одноглазое, Бойко со свету белого сжить. Совсем про страх свой перед Перуном позабыл. Все племена от проклятущего Лихо одноглазого страдали. Как появится оно на дороге, так то деревья на несчастных падать начинают, то ноги горемык вдруг неродными становятся, то телеги вместе с седоками переворачиваются. Да только Бойко не из робкого десятка оказался. Он взял да и само Лихо одноглазое чуть со свету не сжил. То еле ноги свои кривые унесло. Но Велес не отступился. Решил он околдовать Милославу и подбросил к ней в дом колечко с бирюзой заговорённое. Да только бабка девушки, востроглазая Бажена, тотчас же план коварный разгадала. Взяла колечко да через левое плечо бросила, то в камень сразу и обратилось. Но снова Велес не отступился и решил наложить на несговорчивую самое страшное проклятие, лишаящее всего человеческого. И памяти предков, и человеколюбия, и красоты. Тотчас же Милослава даже про отца с бабкою забыла (мать-то её, Синеока, десять лет уж в Ирейском саду песни Лады слушала) и в злобную морщинистую старуху обратилась. Не стало людям житья от коварств её всяких. То молоко коров отравит, то младенцев в чудища обратит, то

волков на скот нашлёт. И прозвали люди Милославу Ягой, что гадина означает. Бакуня к Перуну за помощью обратился, да только громовержец бессильным оказался. Слишком уж могучим заклятье Велеса оказалось.

– Делать нечего, – тяжело вздохнув, сказал Перун, – надо дочь твою в самую чашу лесную отправить жить. Не место злобной среди людей.

Погоревав, Бакуня так и сделал. Построил дочери избушку и строго-настрога запретил ей обратно возвращаться. А Баба-Яга лишь фыркнула в ответ.

Бойко тоже к Перуну обратился и громовержец, поговорив со Сварогом, посоветовал ему отправится за тридцать земель к чародею Радогасту. Долго шёл парень. Лишь к Купайле (летнему равноденствию) добрался до места. Выслушал его, надолго задумался Радогаст. Дело-то нешуточное было. Как-никак, сын самого Сварога заклятье наложил. А идти супротив сварожича – беду на себя лютую накликают. Но сердцем и душою пожалел Бойко, решив помочь ему. Радогаст дал парню меч-кладенец и сказал:

– Как только появится Велес перед тобою, так ты ему голову-то и отруби. Тотчас же заклятье исчезнет и твоя Милослава вновь прежней будет.

Но прознал об этом Велес и предстал перед Бойко каликой перехожей:

– Не сжить тебе окаянного со свету мечом-кладенцом. Лишь мёртвая вода в этом помочь может. Иди к радимичу

Безобразу, он научит, где её раздобыть.

Парень, до земли ему поклонившись, отправился в путь. Не знал горемыка, что Безобраз и сам Велес – одно и то же. Ведь брат Перуна был оборотнем. Пришёл через день Бойко к радимичу, а тот предложил ему мёду хмельного с дороги испить. Не почувял беды Бойко. Выпил всю чарку и чувств лишился. Стал тут Велес самим собой и навис над горемыкой:

– Забираю душу твою светлую и насылаю злобу лютую да страсть в богатствам несметным. Станешь ты люд смертный со свету сживать, на их горестях наживаясь. Забираю память предков и взамен даю силу могучую чародейскую да бессмертие. Отныне и до скончания веков быть тебе колдунном треклятушим. Забираю молодость крепкую и насылаю старость немощную. Будешь ради восполнения соков жизненных дев да баб похищать.

Тотчас же Бойко стариком обратился, став на три пяди выше ростом. А тело его сильно исхудало, да так, что кости из-под кожи выступать стали. Снова Велес каликой переходжей обернулся и разбудил горемычного. Как увидел его Бойко, в себя придя, так и набросился тотчас же. Да только брат Перуна половчее был. То ужом извернётся, то воробьём отлетит, а то и зайцем отскочит. Вконец вымотавшись, Бойко стал насылать на Велеса чары лютые, да только тщетно. Брат Перуна-то намного его могучее был. Побледнел от злости лютой Бойко, да делать-то нечего было.

– Теперь ты таким стал, что вовеки вечные ни одна девушка на тебя и не взглянет больше. А люд смертный проклянёт, – засмеялся Велес и исчез, как будто бы и не было его вовсе.

А Бойко вернулся к племени своему. Да только люди, завидев его, в стороны разбежаться стали. Обозлился тогда изверг окаянный очень и тьма крошечная тотчас же на землю опустилась. Вышли из неё чудища да нежить всякая и пошли на кривичей, радимичей да дряговичей, зло сея повсюду. Обратились люди тогда к Перуну за помощью и разогнал громовержец нечисть тотчас же. Хотел было уже и Бойко наказать, да пожалел Радомила. И зря сделал это. Изверг окаянный не убежал в страхе, а направился к капищу Перуна. Почувяв недоброе, мужики крепкие дубины взяли тяжёлые и следом пошли. А Бойко, запалив идол громовержца, стал громко над небожителем насмеяться. То криволапой свиньёй называя, то косоглазым зайцем, а то и вовсе ублюдком сварожьим. На святое покусился, проклятуший. Услышав это, мужики возмутились сильно и, Кошеем его прозвав, захотели забить отступника дубинами. Да только Бойко половчее их оказался и, извернувшись, обратил их в мороков неприкаянных. Узнав об этом, девы да бабы к Перуну воззвали. Осерчал сын Сварога сильно и молнию пустил в злыдня, да только тот в прах не обратился. Заклятье Велеса от гибели уберегло. Тогда опустился Перун с небес и сказал Кошеем Бессмертному грозно:

– Нет тебе, окаянный, места среди людей! Отныне и до скончания веков изгоняю тебя в чащу непроходимую!

Сколько не умалял Родомил, сварожич от слов своих не отказался. Всплеснув руками, опечаленный отец попытался образумить оступившегося сына. Но Кощей Бессмертный размахнулся и наотмаш ударил родителя мечом-кладенцом. Тот и испустил дух. А Кощей Бессмертный, обругав Перуна с головы до пят, стал произносить в его сторону самые ужасные проклятья. Тотчас же чёрное облако окутало сына Сварога, грозя все кости переломать. Но громовержец-то помощнее изверга окаянного был.

Вознёс он свои руки к небу и что-то громко прокричал на древнем языке. Тотчас же стало светло от яркого света, который окружил злыдня. Кощей Бессмертный громко закричал от непомерной боли и со всех ног вон понёсся. Со слезами на глазах провожал любимого сына Родомил.

– Неужели нельзя вернуть его? – спросил он.

– Заклятье моего братца слишком сильное, – печально ответил ему Перун, – но я освобожу горемыку от участи его ужасной.

Он трижды ударил в ладоши и из воздуха возникла длинная тонкая игла без ушка для ниток. Четырежды свистнул, и прилетела утка. Перун положил в неё иголку и пять раз топнул ногою. Тотчас же прибежал заяц. Громовержец спрятал в нём утку. Потом сделал пальцем знак молнии и из воз-

духа возник серебряный ларец. Положив в него зайца, сварожич сказал:

– Это смерть Кощеева. Я отнесу её на остров Буян. Если поймать зайца с уткой, а затем переломить иголку, то тут же мучения твоего сына и закончатся.

И, обернувшись орлом, скрылся меж облаков. А Кощей Бессмертный, добежав до чащи лесной, увидел Бабу-Ягу и не признал в ней красавицу Милославу. Да и злобная колдунья не увидела в страшном старике Бойко. С тех пор они и живут в лесу, наводя ужас на смертный люд.

Но это, внучек, всего лишь сказка. Хочешь верь ей, хочешь не верь. Но на самом-то деле и Кощей Бессмертный, и Баба-Яга вместе с Параскеей (жены Индрика Змея и матери Вяя Змеевича и Горынь) кровные родичи. А на свет они появились благодаря коварной Гекате и беспощадному Абаддону. Расскажу тебе немного о них.

Геката (богиня Луны, видений и знаний) дочь коварного титана Перса-разрушителя и добросердечной Астерии, богини лунного света, оракулов, астрологии (науки, что определяет прошлое, настоящее и будущее по звёздам) и некромантии (наука об общении с миром мёртвых ради предсказаний). Сам Зевс, главный из Богов Олимпа, пригласил её к себе.

Ты верно очень удивлён этому, внучек? Разве может злобную мать ведьм, упырей и вурдалаков, а так же прародительницу всех ядовитых растений, любить и уважать отец легендарного Геракла, Харит (богинь радости жизни и веселья), Муз (Евтерпы, Клио, Талии, Мельпомены, Терпсихоры, Эрато, Полигимнии, Урании и Каллиопы) и Гармонии (богини согласия и счастливого брака)?

Открою тебе страшную тайну. Геката – трёхлична. С одной стороны – зло, с другой – добро, а с третьей – полное равнодушие как к первому, так и ко второму. Её даже изображают в виде женщины о трёх головах. Геката успокаивала и приручала скот, помогала выигрывать в войнах, суде и спорте. Оберегала маленьких детей и подростков от хвороб всяких разных да ужасных кошмаров. Привечала странников и утешала брошенных влюблённых. Она создавала или подчиняла бури. Покровительствовала пастухам и морякам. Могла видеть и прошлое, и настоящее, и будущее, как и мать её Астерия. Когда Аид (брат Зевса и повелитель Царства Мёртвых) украл Персефону (богиню плодородия и жену Аида), то именно Геката проводила к дочери Деметру (богиню земледелия). Но самое главное – она помогала матерям в родах и воспитании детей. Когда Геката творит добро, то принимает облик прекрасной трёхголовой солнцеликой женщины с шестью руками. Но это происходит крайне редко. Тьма для неё намного важнее Света. Творя зло, Ге-

ката превращается в трёхликое чудище с львиной, змеиной, лошадиной, собачьей или кабаньей головами и волчьими лапами с медвежьими когтями. До встречи с Абаддоном, она была девственной. Но изверг коварный, используя страшное заклятье, соблазнил её и сделал своей женой.

Про Абадонна мне очень мало известно. Он явился в трёхмирье из Геенны огненной, каким-то образом преодолев Великую Стену Вечности, поставленную самим Сварогом для защиты Небесного и Поднебесного Царства. На родине Зевса его называют Апполионом. Одни Абадонна считают светлым ангелом, исцеляющим любые раны и карающим кровопийц, а так же изгоняющим простым прикосновением нечисть, овладевшую телами смертных. Когда творит добро, то появляется в облике высокого рыцаря с пылающими праведным гневом глазами на огромном рогатом чёрном коне с карающим мечом в руках. Другие Абадонна считают демоном -разрушителем, отцом вселенской лжи, коварства, зависти и лести. Он совершенно бессмертен. Может перемещаться как в прошлое, так и в будущее. Любая, даже самая глубокая, рана на его теле заживает на глазах. Обладает способностью вызывать огонь и всякие кошмарные видения, от которых люди тотчас же лишаются рассудка. Может вселяться в людские и звериные тела и совершать лютые коварства. Видит всё насквозь и сразу определяет истинные облики как оборотней, так и выходцев из иных миров. Ни святая

вода, ни святой огонь не могут ему причинить вреда. Абаддон нападает на людей в облике человека с перепончатыми крыльями, медвежьими когтями и уродливым зубастым лицом. 2

В страшных муках рожала детей Геката, взывая громко к Смерти от нестерпимой боли. Абаддон, устав от криков, хотел было уже исполнить желание несчастной, да побоялся гнева Зевса. Сплюнув себе под ноги, он обернулся мотыльком и, вылетев из дворца, направился творить новые коварства. А Геката осталась в полном одиночестве.

Любила ли она мужа? А можно ли испытывать чистые чувства к насильнику? Ненавидела? Скорее нет, чем да. Геката и сама не могла понять, что испытывает к Абаддону. Ведь до него она совсем не знала мужчин. Любил ли демон её? Нет и ещё раз нет. Наоборот, люто ненавидел всей своей чёрной сущность. Ведь она женила его на себе. А если бы Абаддон отказался, то... Да, он был бессмертным, но Зевс вполне мог бы доставить насильнику нестерпимую боль или обратить в кого-нибудь или во что-нибудь до скончания веков.

Только появившись в Поднебесном Царстве, Абаддон тотчас же стал искать непорочную деву, дабы добившись её, снова возвыситься над остальными демонами Геенны ог-

ненной. Ибо был рождён по образу и подобию смертного мужчины. Даже Князь Тьмы, Хозяин Геенны огненной, хоть и слыл искусителем, мог всего лишь раз в сто лет покидать свою вотчину. Облетев всё Поднебесное Царство, Абаддон так и не нашёл подходящую жертву. Но сдаваться было не в его правилах. Демон вновь решил облететь всё Поднебесное Царство, но на этот раз заглядывать в каждый дом смертных. Пролетая над Афинами, он увидел прекрасный дворец, возвышающийся над остальными жилищами города. Спустившись к нему, демон принял облик златовласого голубоглазого крепыша и позвонил в колокольчик. Долго никто не подходил. Но Абаддон терпеливо ждал. Наконец слышались шаркающие шаги и дверь открыла древняя старуха. Увидев незнакомца, она недовольно проворчала:

– Богиня не принимает мужчин.

Демон состроил свою самую милую улыбку и произнёс:

– Я же не искушать её пришёл, а по очень важному для меня делу.

Старуха, недовольно зыркнув на Абаддона, сказала:

– Богиня велела не пускать мужчин ни под каким предлогом!

Демон, не снимая с лица милой улыбки, легонько коснулся до лба несговорчивой и промолвил:

– Замри, дура! У меня совсем нет времени с тобой пререкаться!

Старуха застыла с открытым ртом и Абаддон проник

во дворец. Геката, взволнованная долгим отсутствием своей любимой жрицы, поспешила на её поиски, не доверяя слугам. И нос к носу столкнулась с демоном.

– Как ты посмел, смертный. Войти в мою обитель?! – спросила Геката грозно.

Но Абаддон, увидев трёхглавую богиню, вновь нацепил милую улыбку и совершенно спокойно ответил:

– Твоя красота, о, нимфа, служит мне оправданием.

Геката всем своим существом ненавидела лесть.

– Немедленно покинь мой дворец, злосчастный! – грозно воскликнула она -Иначе познаешь весь мой праведный гнев!

Но демон даже и с места не сдвинулся, продолжая мило улыбаться. Тогда богиня вдруг нависла над ним и стала произносить самые ужасные проклятья. Всё вокруг Абаддона тотчас же юлой завертелось. Но сам Абаддон, как ни в чём не бывало, стоял, скрестив руки на груди, словно вкопанный. Тогда Геката вдруг запела заунывным голосом. Все слуги тотчас же попадали на земляной пол, схватившись за голову, и, закричав от нестерпимой боли, вскоре лишились чувств. Но Абаддон как будто бы ничего и не заметил. Сильно удивившись, богиня слегка до него коснулась и прошептала:

– Лишаю тебя, смертный, воли и памяти. Отныне ты мой раб до скончания веков.

Но демон даже и бровью не повёл. Ещё сильнее удивившись, Геката трижды свистнула и перед Абаддоном возник трёхглавый Цербер, страж Царства Мёртвых. Пёс, испуская

слюну, оскалился сразу всеми пастьями и хотел было уже наброситься на обидчика богини. Но демон, выставив перед собой руку, вдруг что-то прокричал на неизвестном Гекате языке. Тотчас же грозный Цербер приник к земляному полу и, громко скуля, пополз к Абаддону. Но богиню очень было трудно заставить сдаться. Она, на мгновение задумавшись, быстро взмахнула левой рукой и тотчас же Абаддон превратился в камень. Решив, что, наконец-то, разделалась с навязчивым смертным, Геката хотела было уже продолжить поиски жрицы, как вдруг вокруг демона засиял яркий свет и надоеда вновь стал прежним.

– Хватит! – громко крикнул Абаддон и набросился на богиню, желая её всем своим чёрным сердцем.

Геката сражалась как гарпия, но силы были неравными. Тогда она обернулась змеёй и выскользнула из рук насильника. Но Абаддон никогда не сдавался. Он тотчас же наступил на хвост богине и, вознеся над ней руки, прокричал:

– Воля твоя – воля моя!

Геката, став прежней, безвольно упала в руки демона. Утолив своё чёрное желание, Абаддон расхохотался и, бросив несчастную на пол, хотел было уже покинуть дворец. Но вдруг всё вокруг озарилось нестерпимо ярким светом и из него появился высокий старик с черной бородой и гневным взглядом.

– Стой, насильник! – грозно воскликнул незнакомец и демон вдруг почувствовал, как миллионы пчелиных жал вон-

зились в его тело.

– Ты посмел обидеть богиню! – продолжил старик и у Абаддона померкло в глазах.

– Нет пощады к тебе за это! – прогремел голос незнакомца и демон юлой завертелся, громко крича от ужаса и нестерпимой боли.

Ведь ещё никто за пять тысяч лет не смог нанести ему даже самого малого вреда.

– Готовься к Смерти! – воскликнул старик и в его руке возникла молния.

Абаддон, ужасно испугавшись (ведь он не знал, сможет ли уцелеть), упал на колени и взмолился:

– Я на всё готов, только сохрани мне жизнь!

Но незнакомец был неумолим.

– Мольба тебе не поможет! – прогрехотал он в ответ и уже хотел было поразить насильника молнией, но вдруг послышался сладковатый аромат нарцисса и перед ним возникла Персефона.

– Отец! – воскликнула она, подняв правую руку – Остановись, пока не поздно!

Незнакомец послушался и молния тотчас же исчезла.

– Персефона, зачем ты остановила меня? – спросил он, успокоившись.

– Отец, пусть этот смертный станет мужем нашей Гекате, – улыбнувшись, ответила та.

Старик, почесав бороду, воскликнул:

– Быть тому!

И, грозно посмотрев на валяющегося у него в ногах Абаддона, спросил:

– Ты всё понял, червь?!

Демон принялся целовать ему носки сандалий. Но незнакомец высвободил ноги и вновь грозно воскликнул:

– Ты всё понял?!

– Да! – заголосил Абаддон.

– Если хотя бы раз я услышу жалобу Гекаты на тебя, берегись, червь! – предостерег старик и, войдя обратно в свет, исчез.

Персефона, подойдя к Гекате, подула несчастной на веки и та тотчас же пришла в себя, сразу всё вспомнив.

Увидев дрожащего насильника, она тихо спросила:

– Что это с ним?

– Дело рук Зевса, – с улыбкой ответила жена Аида.

Услышав это, Абаддон волком взвыл. Даже в Геенне огненной были наслышаны о громовержце. Поняв, что чудом избежал ужасной участи, демон вдруг обернулся туманов и уже хотел было улизнуть из дворца, но Персефона была наготове.

Она щёлкнула пальцами и тотчас же невидимая сеть с ног до головы опутала насильника. Вновь став прежним, Абаддон попытался высвободиться, но чем больше он двигался, тем сильнее сеть его опутывала. Вконец вымотавшись, демон тихо произнёс:

– Я согласен на всё.

– Верное решение! – грозно воскликнула Персефона и тотчас же сеть исчезла – Не пытайся снова улизнуть, Абаддон! Ты ловкий, а я половчее буду!

Услышав своё имя, демон остолбенел. Откуда этой ненормальной было про него известно? Ведь о том, что он попытается покинуть Геенну огненную даже Князь Тьмы не знал. Прочитав его мысли, дочь Зевса громко рассмеялась.

– Неужели ты думал, что я тебя не признаю?! – успокоившись, грозно спросила она.

Абаддон сел на земляной пол и затих, внимательно слушая богиню.

– Да стоило только тебе преодолеть Великую Стену Вечности, как мне об этом тотчас же известно стало! – продолжила Персефона – Никто и ничто не скроется от, пронзающих Вечность, глаз моих дочерей Евменид!

Демон уже принял свою участь как должное. Уж лучше жениться, чем исчезнуть.

– Предупреждаю, тебя! – вновь воскликнула жена Аида – Если хотя бы один волос упадёт с головы Гекаты, ты сильно пожалеешь, что на свет родился!

Сказав это, Персефона обернулась бабочкой и исчезла. А Абаддон ещё долго сидел на земляном полу дворца, обдумывая свою дальнейшую жизнь. Вернуться назад в Геенну огненную он никак не хотел. Ведь там всем единолично владел Князь Тьмы. А демону дюже хотелось власти. Да, став

заложником собственного слова, данного Зевсу, он уже никогда не сможет стать Властителем трёхмирья. Но...

Крики Гекаты достигли Царства Мёртвых и Персефона, обернувшись бабочкой, полетела на помощь подруге. За ней тут же увязалась нимфа Каллигенейя, никогда не оставляющая жену Аида, став лёгким дуновением ветерка. Когда-то её приставил к дочери Деметры сам Аид, сильно боясь, что юная жена захочет покинуть мрачное Царство Мёртвых. Хотя и съела несчастная зёрна граната, навсегда став его заложницей, но брат Зевса не очень-то доверял этому. Оказавшись перед Гекатой, Персефона тотчас же убрала всю боль, слегка коснувшись левого запястья подруги. Жена Абаддона успокоилась и открыла глаза.

– Персефона, ты ли это? – удивлённо спросила несчастная.

Дочь Зевса улыбнулась и ответила:

– Я, моя дорогая, конечно же, я.

– Как хорошо, – прошептала Геката и заснула.

Персефона решила быть рядом с подругой до самого рождения детей. Каллигенейя, стоя невидимкой у изголовья ложа Гекаты, недовольно покачала головой. Ведь за отсутствие богини Аид спросит прежде всего с неё. Но делать было нечего и нимфа приготовилась терпеливо ждать. Прошло несколько часов и на Афины опустилась ночь. Персефона стала уже клевать носом и решила было немного поспать,

как вдруг Геката снова громко закричала. Дочь Зевса попыталась снова прикосновением убрать боль, но тщетно. Геката, схватив подругу за руку, вдруг начала рожать. Персефона никогда до этого не видела родов и растерялась.

– Ух, молодо-зелено! – проворчала Каллигенейя и, став видимой, принялась помогать несчастной роженице.

Первым на свет появился розовощёкий мальчик.

– Краса... – только и успела вымолвить Персефона, как вдруг младенец на глазах из упитанного превратился в жутко костлявого и тут же вцепился золотыми зубами в грудь Гекаты.

Жена Абаддона громко закричала и лишилась чувств от нестерпимой боли. Каллигенейя, всплеснув руками, с большим трудом оторвала «младенца» от матери. И тот, злобно на неё взглянув, вдруг оглушительно заголосил:

– Мама-а-а-а-а-а-а! Мама-а-а-а-а-а-а-а-а-а-а! Мама-а-а-а-а-а-а-а-а-а-а-а-а!

Тотчас же кругом полопались амфоры, наполнив воздух невообразимой смесью масел и благовоний. Так родился Кощей Бессмертный.

– Это ещё не всё! – воскликнула Каллигенейя и тут же приняла черноглазую девочку, которая с превеликим любопытством посмотрела на нимфу.

– Мама? – спросила малютка.

Стражница Персефоны так и ахнула. Где это видано, что младенец, только что появившись на свет, сразу же начинает

говорить?

– Я, я твоя мама, – тихо сказала Геката.

Девочка сначала недоверчиво посмотрела на неё, потом прижалась всем телом к материнской голове и произнесла:

– Маму-у-у-лечка!

– Какая кра... – хотело было произнести нимфа.

Но тут вдруг и эта малютка стала меняться на глазах. Нос из малюсенького превратился в длинный и кривой. Чёрные волосы клубком змей стали. Глаза злюще-презлюще зыркнули на мать и нимфу. Те даже опешили от ужаса. А под носом выросли чёрные усы. Так родилась Параскея.

– О, Зевс! – воскликнула Каллигенейя и приняла ещё одну прекрасенькую девочку.

На этот раз и Персефона, и нимфа предпочли промолчать. И не зря. Нос малютки вдруг весь изгорбился и на самом его кончике бородавка огромная выросла. Маленькие глазки больше на блюдца стали походить. Малютка пристально посмотрела ими сначала на Каллигенейю. А потом и на Гекату.

– Мама, ты что, мне не рада? – спросила малютка.

Но та и не слышала будто. Так на свет появилась Баба-Яга.

– Ой, горе мне горе, – посмотрев на новорожденных, тихо сказала Геката и горько заплакала.

Персефона и рада была бы утешить подругу, да только не знала как. А Каллигенейя, снова всплеснув руками, сотворила три малюсеньких амфоры с молоком и принялась кормить младенцев. Тут вдруг из яркого света возник Зевс

и, улыбнувшись, воскликнул:

– Дайте-ка мне взглянуть на младенчиков!

Но, увидев детей Гекаты, погрузнел.

– Видно, это семя Абаддона такое, – тихо произнесла Персефона.

– Ну, что ж поделаешь, – прервал молчание Зевс, – дети есть дети. Какими бы ужасными они ни были. Возьму их под свою защиту.³

Геката, услышав это, впервые за весь ужасно тяжёлый день улынулась.

– Спасибо тебе, громовержец, – сказала она, – ты очень великодушен.

Зевс, пригладив бороду, улыбнулся в ответ.

– А как же иначе, – произнёс он, – все дети мои дети. Так было, есть и будет, покуда Свет побеждает Тьму...

– Бабушка, – вдруг перебил я рассказчицу, – а как такое может быть, что в одном и том же трёхмирье сразу и Подземное Царство, и Царство Мёртвых? Небесное Царство и Олимп? Сварог со сворожичами и Зевс с братьями и детьми?

Моя бабуля, с укоризной посмотрев на меня сквозь очки, отложила в сторону пряжу и ответила:

– Внушек, наш мир трёхмерен и похож на пирожок. Сверху – реальное. Снизу – нереальное. А начинка – прослой-

ка между ними. Всё то, что видимо невооружённым глазом или при помощи бинокля и микроскопа, слышимо ухом или благодаря громкоговорителю и слуховому аппарату, обоняемо носом и осязаемо руками и ногами – реально или, по-научному, материально. Некоторые это называют проявленным миром. А мысли, воля, совесть, привычки, черты характера, пороки, чувства, предчувствия, душа, память прошлого, сны, видения будущего, магические способности, божественное – всё это нереально (нематериально) или не проявленный мир. В реальности мы можем перемещаться: пешком, на лыжах, на коньках, на роликах, на велосипеде, на машине, на поезде, по канатной дороге, на самолёте, на корабле или на этом, как бишь его там, ах, да, на скейте. Но только строго в границах земного, водного или воздушного пространства. То есть, нельзя переместиться в иные, более многомерные, чем наш, миры. А также невозможно преодолеть время, умчавшись назад в прошлое или вперёд в будущее. Только строго в пределах часовых границ (секунд, минут и часов, дней, недель, месяцев, годов, и годов), а так же времён года. Хотя некоторые люди могут и первое, и второе. Но для этого надо быть чародеем или очень сильным йогом (они, впадая в транс (призывая сон телу и выпуская на волю душу), находятся между прошлым и будущим)). А вот во сне, то есть, в нереальности, мы уже можем и в иные миры попасть и даже время преодолеть при помощи: сапог-скоороходов, ковра-самолёта, машины-времени, какого-нибудь

сильного заклинания или пройдя через, этот, как его там, ах, да, через портал. Ведь не зря же мудрецы сновидения обрывками путешествия души называют. Хотя иногда сны есть работа совести, которая, не зная покоя ни днём, ни ночью, показывает нам наши ошибки, совершённые либо в прошлом, либо в настоящем, предостерегая от их повторения в будущем. Но это только пол ответа на твой вопрос. Слушай дальше. В нашем мире живёт очень много людей, а значит и верований тоже очень и очень много. К чему я это говорю тебе? А к тому, что раз верований много, то и Бог тоже не один во всём нашем трёхмерном мире. Скандинавы верят в Одина и его сыновей, индусы в Кришну и его ипостаси, и Кали, славяне в Рода, Сварога и сварожичей, египтяне в Бога Ра и его пантеон, греки в Зевса, его братьев, сестёр и детей... Но большинство людей (христиан и мусульман) признают единоначалие Творца, создавшего миры и вдохнувшего жизнь во всё живое, и его сына. А раз Богов великое множество, то и обитель не одна на всех. Это и Ирей в ветвях дуба Карколиста, и Асгард в ветвях ясеня Иггдрассиля, и Олимп Зевса, и Гокула Кришны, и Нут египетских Богов (хотя некоторые из них живут среди людей), и Эдем Творца. А значит и Подземное Царство Индрика Змея, и Царство Мёртвых Аида (Тартар), и обитель Осириса имеют право быть, никак не мешая друг другу. Сколько людей, столько и мест успокоения душ после Смерти. Люди сказывают, что вход в обитель Аида находится в одной из самых древних

скал Керчи, Митридат. Туда ведут две древние реки: Пирфлегетон (ныне Кубань) и Ахеронт (ныне Дон). А Коцит (ныне Ея или Чолбас) есть рукав (отделившийся от родного пути (русла) поток реки)) древнего Стикса, по которой мёртвых перевозит угрюмый ворчун Харон. Ну это так, к слову. Теперь понял, почему в нашем трёхмирье есть и обитель Сварога, и обитель Зевса?

– Понял, – ответил я с улыбкой, – но...

– Что-то ещё хочешь узнать? – спросила бабуля.

– Почему Эдем в нашем трёхмирье, а Геенна огненная (Ад, Преисподняя) в другом? – поинтересовался я.

Бабуля, отпив остывшего чая из большой кружки в горшечек, ответила:

– Так сотворил Творец, внучек. Зачем? Точного ответа никто не знает. Могу лишь догадываться. Быть может, это для того, чтобы выходцы из Геенны огненной не могли спокойно козни свои строить у нас. Хотя... когда-то Эдем и Преисподняя были в одном и том же мире. Рай на небесах, Ад под землёй, в самом пекле ядра. Если ведунам верить, конечно же.

Она посмотрела на меня вопросительно и, снова взяв пряжу, продолжила сказ о Бабе-Яге, Кошее Бессмертном и Параскее...

Персефона уговорила отца дожидаться Абаддона, скрывшись в самом тёмном углу дворца.

– Хорошо, дочь моя, – с улыбкой ответил Зевс, войдя обратно в яркий свет, – надо же от изверга Гекату защищать кому-то. Но сначала я на мгновение вернусь на Олимп. Нельзя надолго оставлять трон без присмотра. Аид давно уже хочет занять его, желая стать верховным правителем не только мёртвых, но и живых.

А Калигенейя, вновь став невидимкой, принялась убаюкивать Бабу-Ягу и Параскею. Кощей-то давным-давно уж сам заснул, на радость матери. Абаддон вернулся во дворец только утром в очень плохом расположении духа. То ли коварным пакостям его кто помешал, то ли силы уже не те были, что раньше, то ли ещё из-за чего.

– Чего разлеглась-то? – недовольно спросил он лежащую на ложе жену, даже не заметив ни детей, ни Зевса с дочерью.

Геката попыталась улыбнуться в ответ, но Кощей, вдруг проснувшись, впился золотыми зубами к ней в грудь и она громко закричала от нестерпимой боли, чуть было не лишившись чувств. Только тогда демон обратил внимание на сына.

– А это что ещё за чудовище?! – воскликнул он, отскочив от ложа на десять шагов.

Ведь Абаддон считал себя непревзойдённым красавцем. А значит всё, что было с ним связано, должно радовать глаз.

– Твой старший сын, – ответила Персефона, выйдя, из так привычной для неё, темноты.

Увидев дочь Зевса, демон внимательно осмотрелся вокруг в поисках громовержца.

– Не меня ищешь? – раздался вдруг громогласный голос отца Персефоны, появившегося виз яркого света.

– Нет, нет, что ты, – заволновался Абаддон, просто...

– Это твоё семя! – вновь прогремел Зевс, перебив изверга, и демону вдруг стало нестерпимо больно.

– Кроме сына у тебя родились ещё две дочери! – продолжил громовержец, создав молнию – Советую хорошенько подумать, прежде чем обижать детей и жену!

Отец Персефоны ненадолго замолчал, раздумывая, испепелить зловредца или пожалеть, Гекаты ради. Демон же, увидев молнию, сильно перепугался. Клотос, Лахезис и Антропос (богини Судьбы) предрекли ему погибель от гнева Зевса. Дрожа всем телом, Абаддон воскликнул:

– Пальцем не трону! Буду любить и лелеять!

– Ну смотри, червь! – снова прогрехотал громовержец – Услышу хотя бы одну мольбу от Гекаты и детей – испепелю мгновенно!

Сказав это, Зевс вошёл в яркий свет и исчез.

– Я лично буду следить, чтобы ты выполнил своё обещание! – воскликнула Персефона и, обернувшись бабочкой, улетела обратно в Тартар к Аиду.

Каллигенейя, наконец-то, усыпив Бабу-Ягу и Пераскею, быстро глянула на снова заснувшего Кощея и, став лёгким дуновением ветерка, последовала следом за богиней. Лишь к ночи Абаддон пришёл в себя и задумал избавиться и от Гекаты, и от детей.

Посмотрев на новорожденных, он сильно поморщился, как будто бы целиком съел лимон с кожурой, и ещё больше уверился в правильности принятого решения.

«Избавлюсь от них и быстрее мысли обратно в Геенну огненную, – подумал изверг, – а на Зевса мне наплевать и растереть. Подумаешь, Мойры нагадали! Я бессмертен, причём, абсолютно!»

Геката давно забылась целительным сном. Кощей громко, совсем не по-младенчески, храпел, прижавшись всем своим костлявым телом к материнской груди. Баба-Яга, свернувшись клубком, тихо посапывала в изголовье ложа. А Параскея, что-то бормоча во сне, удобно расположилась в ногах матери. Абаддон, обернувшись в огромного змея, раскрыл пасть и хотел было уже проглотить всех сразу, но не успел. Раздался, леденящий душу, вой и перед изумлённым демоном предстали три огромных волка Аполлона.⁴

Хоть и привык давно уже демон к вечным спутникам своей жены, но эти хищники были настолько огромны, что он, став прежним, на несколько мгновений замер с открытым ртом, то ли от удивления великого, то ли от ужаса неопишемого. А волки, продолжая смотреть на него с лютой ненавистью, вдруг оскалились, показав страшно огромные белые клыки, способные разорвать в клочья всё, что угодно, и приникли телами к земляному полу дворца, приготовившись к прыжку. Никто и ничто не могло остановить орудий воз-

мездия Бога Солнца. Абаддон тотчас же почувствовал, что вся его одежда промокла насквозь. Тому виной было не только жаркое дыхание волков, от которого даже земляной пол дворца стал неприятно влажным, но и напряжённые поиски выхода. Да, уничтожить его волки не смогут, но шрамы от их клыков останутся навсегда. А про нестерпимую боль, что могут причинить посланцы Аполлона, и вовсе демону думать не хотелось.

«Ну нет! – придя наконец в себя, решил изверг проклятуший – Я от своей цели вот так просто не откажусь! Не на того напали!»

– Стойте! – воскликнул Абаддон, выставив перед собой правую руку, не зная наверняка, поможет это или нет.

И волки, к его неопишуемой радости, тотчас же замерли на месте. Демон громко расхохотался и, вновь обернувшись змеем, попытался проглотить жену с детьми. Но не тут-то было! Раздался громкий свист и его чёрное сердце насквозь пронзила золотая стрела Аполлона. Абаддон взвыл от нестерпимой боли и попытался вытащить послание Бога Солнца. Но чем больше он двигал стрелу, тем сильнее она застревала в теле, вызывая потемнение рассудка. Тогда демон, сжав крепко зубы, просто обломал её спереди и сзади. И раны тотчас же затянулись. Но обломок стрелы навсегда остался в сердце, постоянным источником боли. Абаддон, приняв прежний облик, с большим трудом поднялся с земляного пола дворца и, сотворив отравленный кинжал, уже хотел было

пронзить им ненавистных, да только замер как вкопанный, уставившись немигающим взглядом на златокудрого Аполлона.

– Ты затеял ужасное, демон! – воскликнул Бог Солнца, достав из колчана золотую стрелу – Но я не дам свершиться этому!

Он уже натянул тетиву серебряного лука, как вдруг Геката, очнувшись ото сна, громко закричала:

– Не-е-е-е-ет!

Аполлон непонимающе посмотрел на неё.

– Пусть он изверг окаянный, но он мой муж! – воскликнула богиня, вскочив с ложа и закрыв собой Абаддона – И отец моих детей!

Бог Солнца, с огромным разочарованием, опустил свой серебряный лук.

– Он хотел убить вас, – тихо произнёс он.

Но Геката была неумолима. Тогда Аполлон, вернув волкам подвижность, исчез вместе с ними, в появившемся из ниоткуда, облаке.

– Я всё равно избавлюсь и от тебя, и от твоих выродков! – закричал демон, вонзив отравленный кинжал прямо в сердце жены.

Но Геката, к его великому удивлению, даже не вздрогнула. Сердце богини было из цельного алмаза. Кинжал, просто-напросто, сломался.

А ядом проматерь всех ядовитых растений убить было

нельзя. Поняв, что Абаддон не успокоится, пока не изживёт её и детей со свету, Геката сотворила туман и скрылась в нём вместе с Кощеем, Бабой-Ягой и Параскеей. Демон попытался было помешать жене, но тщетно. Даже обычное прикосновение к колдовскому туману вызывало нестерпимую боль.

– Я всё равно тебя и твоих выродков уничтожу! – закричал изверг проклятущей вслед удаляющейся богине.

Но та его уже не слышала. Тогда Абаддон, обернувшись мотыльком, поспешил к Великой Стене Вечности, чтобы, преодолев заклятье Сварога, скрыться от праведного гнева Зевса в Геенне огненной. Но этому было не суждено случиться...

Где только не побывала Геката, в поисках безопасного места. Но повсюду чувствовала присутствие беспощадного мужа. Вконец вымотавшись, она опустилась на остров, посреди Море-Океана. Куда не брось взгляд, всюду были одни безжизненные скалы.

«Ничего, – подумала богиня, – вот немного передохну, накормлю детей и снова в путь. Ведь должно же где-то быть безопасное место».

Она сотворила малюсенькие амфоры с козьим молоком и стала кормить детей. Своего-то у неё не было. Так уж случилось. Кощей никак не хотел пить незнакомое молоко, ведь с рождения привык к коровьему. Он постоянно выплёвывал его назад. Баба-Яга тоже капризничала, пытаясь выбить но-

гами амфору из рук матери. Одна Параскея спокойно допила молоко до конца. Накормив детей, Геката подумала и о себе. Ведь последний раз она ела три дня назад. Сотворив огромный кусок баранины, богиня жадно набросилась на него. А насытившись, создала, так любимое ею, вино Персефоны и утолила им жажду.

– Ну, а теперь в путь, – сказала Геката детям и сотворила туман.

Но улететь так и не успела. Раздалось, леденящее душу, шипение и перед ней возник огромный змей. Геката, совсем не испугавшись, прикрыла собой детей и приготовилась защищать их. Но змей и не думал нападать. Он вновь что-то прошипел и только тогда богиня поняла его, сразу же успокоившись. Вдруг змей превратился в высокого огненно рыжего красавца и посмотрел, совсем не мигая, на неё.

– Кто ты и зачем появилась в моих владениях? – спросил он через мгновение.

Богиня улыбнулась им ответила:

– Я Геката. Извини, что побеспокоила тебя своим внезапным появлением. Я просто решила немного передохнуть и детей накормить. Но сейчас уже собралась дальше в путь.

Незнакомец, услышав это, улыбнулся в ответ и спросил:

– А не дочь ли ты Астерии и Перса?

Геката кивнула в ответ.

– Да, – произнёс красавец, – не повезло тебе с мужем. Наслышан я о коварствах его. Но ты не бойся, на моём остро-

ве Абаддон тебе вреда причинить не сможет. Так что пошли со мной, я отведу тебя в свою обитель.

Богиня сразу почувствовала расположение к незнакомцу и, взяв на руки детей, пошла вслед за ним. Она узнала Индрика Змея, который был, пусть и дюже дальним, но, всё-таки, родичем Зевс. Громовержец часто вспоминал брата, пугая им непослушных детей. А Аид так просто восхищался сородичем...

– Бабуля, – вновь я перебил рассказчицу, – но разве такое возможно?

– Ты о чём, внучек? – вопросом на вопрос ответила она.

– Ты сказала, что Индрик Змей хозяин Буяна, – пояснил я, – а как же тогда Царевна-Лебедь и дядька Черномор со своими молодцами?

Бабуля, вновь отложив пряжу, сделала ещё один глоток остывшего чая из большой кружки в горошек, и ответила:

– Когда Сварог сотворил Персть, так наша земля когда-то называлась, то сразу же облюбывал остров, о который разбивались волны Моря-Океяна, и посадил в самом его центре священный Карколист.

Крона дуба уходила высоко в Небесное Царство, а среди корней появилось Подземное. И порешил, что души праведников будут вечность встречать в Ирее (райском саду). А грешные прямиком попадут в Подземное Царство. Но не навсегда. Как только они очистятся, то сразу же

окажутся в Ирее. Сварог уже давно построил себе чертог в Небесном Царстве, став его единоначальным правителем. А для управления Подземным выбрал своего родича, Индрика Змея. Тот был очень недоволен. Оно и понятно. Ведь в Небесном Царстве было вечное солнечное лето. А в Подземном, такая же бесконечная, крошечная Тьма. Но спорить со Сварогом отец зла побоялся. Прекрасно знал его несокрушимое могущество. И, скрипя сердцем, согласился. Отец всего сущего отдал родичу во владение весь скалистый остров, назвав его Буяном. Чем ещё больше обидел Индрика Змея. Ведь в Ирее, что находился посреди Небесного Царства, были деревья, травы и цветы со всего белого сета, и вечно плодоносили. А на Буяне, едва-едва, проклёвывалась трава, да, кое-где, рос очень колючий кустарник. Везде господствовали мхи и лишайники, наполняя воздух отвратительной вонью. Но и на этот раз Индрик Змей предпочёл промолчать.

– Не неволь грешные души, – сказал ему на прощанье Сварог, – они и так уже сильно наказаны. А как очистятся, тотчас же посылай их ко мне.

Сто лет проправил отец зла в полном одиночестве Подземным Царством, выполняя обещание, данное отцу всего сущего. А потом вдруг решил завоевать всё трёхмирье сразу. Надоело ему, понимаешь ли, мрачное подземелье до самой крупной дрожи. А став повелителем и Небесного, и Поднебесного, и Подземного Царства, он сможет творить всё, что

вздумается. Но не это было для изверга проклятушего главным. Раз почувствовав жар вечного солнца, Индрик Змей хотел этого снова и снова. Но остановил зловредца и его чёрную армию Перун со своими братьями. Связали сварожичи родича и к отцу на суд доставили. Разгневался Сварог и приказал Индрику Змею вечно быть в Подземном Царстве, решив права владеть Буяном. А чтобы изверг окаянный не артачился и не вздумал вновь пойти войной на миры, он взял с него слово, на крови замешанное. А для пущей уверенности создал из высокой скалы и пены Моря-Океяна дядьку Черномора. Доселе такого могучего богатыря белый свет ещё не знал. Роста огромного, силушки несокрушимой. А из камней поменьше да водорослей море-океянских сотворил помощников дядьке Черномору, тридцать трёх богатырей. И стали они дозором по Буяну каждый день ходить. Сначала Индрик Змей смеялся над ними. Мол, не годитесь вы ко мне в сторожа. Но вскоре понял, что не прав. Лишь дважды он нарушил священную клятву. В первый раз стал быстрее мысли, решив, что дядька Черномор и его дружина слишком неповоротливы на суше. Но просчитался. Богатыри ловко споймали изверга окаянного в сеть, сотканную из усов Чудо-Юдо-Рыбы-Кит. Но зловредец и не думал сдаваться. Затаившись ещё на сто лет, Индрик Змей вновь попытался попасть в Небесное Царство. На это раз зловредец раздвоился. И пока его близнец отвлекал дядьку Черномора и богатырей, он сам, обернувшись шустрым воробьём, по-

летел в обитель Сварога. И оказавшись в Ирее, соблазнил Мать-Сыру-Землю, родную дочь отца всего сущего. Что было потом, ты уже, мой дорогой, знаешь.

Я кивнул в ответ. Бабуля, снова взяв пряжу, хотела было продолжить свой рассказ про Бабу-Ягу, Кощея и Параскею, но...

– А откуда появилась Царевна-Лебедь? – не дал ей этого я.

– Ах, да, – ответила моя сказочница, – совсем забыла про неё.

Она протёрла шёлковой тряпочкой очки, положила их на колени и, отложив пряжу, продолжила:

– Чтобы дядька Черномор и его богатыри были всегда в полном здравии и счастье, Сварог решил сотворить им заступницу. Взял утреннюю росу, чуть-чуть солнечного и лунного света, аромат самых благоухающих цветов, три своих слезинки, лёгкое дуновение весёлого ветерка, перезвон самых звонких колокольчиков, один ус Чудо-Юдо-Рыбы-Кит, самую яркую из звёзд и совсем немного пены Моря-Океяна, всё тщательно перемешал и добавил трель соловья.

И тут же перед ним появилась такая красавица, что ни в сказке сказать, ни пером описать.

Стройна как сосна, глаза Море-Океяну цветом подобны, длинные волосы словно уголь чёрные, губы яхонтовые так и просят поцелуя, щёчки румяные любого парня в дрожь любовную бросить могут, чуть вздёрнутый носик обвораживает, зубки коралловые на солнце блестят, от ясной улыбки ду-

ша поёт, голос даже самое чёрствое сердце пылким делает, а во лбу звезда ярко светит. Наделил дочь свою новорожденную Сварог властью над живыми и мёртвыми, зверьми, птицами и гадами ползучими. Вдохнул силу чародейскую и назвал Царевной-Лебедь.

Я кивнул головой и сказал с улыбкой:

– Теперь мне всё абсолютно ясно, бабуля.

– Раз так, тогда слушай продолжение моего сказа, – в ответ улыбнувшись, произнесла моя рассказчица, одела очки и, взяв пряжу, продолжила.

Честно скажу, с первого же взгляда полюбил повелитель Подземного Царства маленькую Параскею и поклялся себе, что она обязательно будет его женой. 5 Порой, позабыв про всё на свете, он дни напролёт возился с малышкой, как будто бы был родным отцом или дедом.

В это время души грешников получали полную свободу, ведь никто их не тревожил. А некоторым из них даже удавалось улететь в Ирей. Хоть и дал слово Индрик Змей Сварогу, но выполнять своё обещание совсем не спешил. Отцу зла доставляли огромную радость мучения, пойманных им, душ. Чего только коварец не придумывал, развлеченья ради. И в камень их помещал, и в мороков неугомонных обращал, и... Издевался как мог, чувствуя свою полную безнаказанность. Ведь Сварог-то далеко. Не знал, злооредец, что отец

всего сущего давно уже приставил к нему в Подземное Царство посланника своего, невидимого и неслышимого. О каждом шаге Индрика Змея знал Сварог, но терпеливо ждал того, кто навсегда избавит трёхмирье от изверга окаянного. Ибо сам расправиться с ним не мог. Как-никак, кровными родичами были. Хотя порой отец всего сущего и хотел пренебречь этим, гнетущим души, родством.

Прямо на лету Индрик Змей угадывал все желания маленькой чародейки, приводя её в неопиcуемый восторг. И даже начал учить всем своим премудростям. Геката была категорически против этого, считая, что магия совсем не для младенцев. Но отец зла даже и не слушал богиню. Он считал, что его будущая жена просто должна быть самой-самой-самой. Геката, устав спорить, полностью посвятила себя Кошею с Бабой-Ягой и хозяйству. Хотя душа несчастной просилась на свет белый и воздух чистый. Но делать было нечего. Вне Подземного Царства богиня была абсолютно беззащитна перед коварством Абаддона. А Индрик Змей мог всегда уберечь её от мужа. Но, пожив рядом с коварцем всего лишь месяц, Геката полностью разочаровалась в нём. Да, Индрик Змей проявил, совсем не присущее ему, гостеприимство. За это отцу зла огромное спасибо. Но богиня чувствовала себя рядом с коварцем очень и очень одинокой. Не раз уже она пыталась поговорить с повелителем Подземного Царства по душам. Но тот даже и слушать гостью (хо-

тя Геката иногда себя больше пленницей ощущала) не хотел. Мол, я пустил тебя к себе, дал защиту... живи и радуйся. А вот Параскея, напротив, чувствовала себя рядом с Индриком Змеем на седьмом небе от счастья. Ни на минуту его не отпускала. Стоило только отцу зла отвернуться, то тут же поднимала страшный рёв. Называла то «дядей», то «дедой», а иногда и «папой».

Геката, услышав последнее, тотчас же вздрагивала и начинала пристально смотреть по сторонам, ища беспощадного мужа. Почувствовав беспокойство гостыи, Индрик Змей всякий раз успокаивал её:

– Не бойся. Абаддону никогда не попасть в мою обитель. А если он даже и попытается сделать это, то, обещаю тебе, всю оставшуюся жизнь камнем проведёт. Я никому не дам обидеть мою малышку.

Богине и нравилось такое отношение отца зла к её старшей дочери, и настораживало одновременно.

«Если бы Индрик так вёл себя со всеми детьми, – думала она, – то я бы, несомненно, радовалась этому. Ведь бедняжки были обделены лаской отцовской. А так ...и чего только у него на уме...»

Да, к остальным детям Гекаты повелитель Подземного Царства относился с нескрываемым презрением. И Кощей с Бабой-Ягой это чувствовали. Только завидев отца зла, они тут же начинали громко плакать. И как не старалась богиня, никак не могла их успокоить.

– Пусть замолкнут немедленно! – начинал кричать Индрик Змей – Посмотри, как моя малышка испуганно смотрит!

Геката, тяжело вздохнув, брала плачущих детей на руки и уходила с ними в самый дальний угол огромной подземной пещеры. Больше не видя зловредца, Кощей и Баба-Яга тут же и успокаивались. А богиня, убаюкав детей, принималась за наведение порядка. Индрик Змей вовсе не был чистюлей. И несчастная, всё кругом убрав утром, повторяла это и днём, и вечером.

Когда-то Геката, только увидев отца зла, по уши в него влюбилась и даже хотела стать его женой и хозяйкой Подземного Царства.

«А что, – с улыбкой думала она, – я ещё ого-го. Не все же силы высосал из меня проклятуший Абаддон. И красива, и умна. Чего ещё надо? Да и Индрик тоже ничего. Ему и не дашь совсем девятьсот лет. Так, сто, сто десть, не больше. В самом соку. Да и намного лучше он Абаддона окаянного».

Богиня прекрасно знала от Зевса, что Индрик Змей одинок. Но почему так было и не думала вовсе. Зачем ей это? Ну не нашёл ещё правитель Подземного Царства любовь свою. Геката даже один раз попыталась намекнуть отцу зла о своих чистых чувствах. Но тот отмахнулся от неё как от надоедливой мухи. И вскоре богиня уже совсем перестала даже и думать об этом, решив, что коварец никогда не предложит

ей стать хозяйкой Подземного Царства.

Время неумолимо шло вперёд. Кощей всё больше стал походить на старого ворчуна, вечно всем недовольный. Баба-Яга требовала к себе постоянного материнского внимания. А если Геката не потворствовала ей, начинала громко сыпать самыми ужасными проклятьями.

«Вот оно, наследство Абаддона», – всплеснув руками, думала тогда богиня и с большим трудом успокаивала младшую дочку.

Одна Параскея, как сыр в масле катаясь, росла себе да ума-разуму набиралась. Поглотив, словно губка, всё, что знал Индрик Змей, она решила испытать полученную магию на матери и сестре с братом. И настали для Гекаты, Кощей и Бабы-Яги самые чёрные дни.⁶ Каждое утро (хотя в тёмном подземелье никогда нельзя было понять, что настало) старшая дочь богини, состроив невинную улыбку, стала приносить, так любимое матерью, вино Персефоны, подсыпая или подливая в него самые сильные яды.

Жена Аида, узнав от Мойр, где скрывается подруга, ночами приходила в Подземное Царство и, немного поболтав о том, о сём, всякий раз оставляла хмельной напиток. Пока богиня общалась с Гекатой, Каллигеней нянькалась с Кошеем и Бабой-Ягой. Хоть и не были они уже младенцами, но для нимфы ими так и остались. Она очень любила детей

и всякий раз приносила что-нибудь сладенькое. Если к Персефоне Кощей и Баба-Яга относились с опаской, то Каллигенейю просто обожали.

А к Параскее нимфу не допускал Индрик Змей. Он был очень недоволен присутствием Персефоны. Но терпеливо молчал, ужасно боясь гнева Зевса.

Люто ненавидел отец зла повелителя Тартара и дочь Деметры. Пусть и были они его кровными родичами. Обитель Аида находилась глубоко под землёй, но была намного больше и светлее, чем Подземное Царство. Один Стикс, по которому угрюмый Харон перевозил души, пробуждал в Индрикe Змее неугасимое пламя зависти. Ведь в Подземном Царстве даже капли воды на глазах высыхали от его тлетворного дыхания. Да и не был правитель Царства Мёртвых таким одиноким, как он. Одна Персефона стоила тысяч, так ненавистных Индрику Змею, людей. И красива, и мудра, и... Только она могла успокоить вздорного мужа. Иметь такую жену, значит обрести счастье. Да и Зевс относился к Аиду намного мягче, чем Сварог к нему. Хотя правитель Тартара, по мнению Индрика Змея, этого ну никак не заслуживал. Злой, завистливый, беспощадный... Совсем как он сам. Сварог всегда только гневался, а Зевс говорил с Аидом по душам. Персефону же Индрик Змей люто ненавидел за то, что она наотрез отвергла все его ухаживания. Тогда отец зла в первый и единственный раз побывал в Тартаре по любез-

ному приглашению Аида, который всегда восхищался своим родичем. И отказала богиня вовсе не из-за пылкой любви к повелителю Тартара.

Сказать по правде, дочь Зевса относилась к правителю Царства Мёртвых только как к тюремщику. Не по своей воле она осталась в Тартаре, а из-за его коварства. Если к Каллигенейе (стражнице своей) богиня относилась с добром и пониманием, то к Аскалафу (пятидесяти пастытному садовнику Аида) никогда ничего, кроме ненависти, не испытывала. Хотя это чудовище ни разу не причинило богине зла, ибо очень и очень её любило. Голло, ведьма-мучительница (даже Аид относился к ней опаской), завидев богиню, или невидимой становилась, или, одевая на лицо милую улыбку, принималась осыпать свою госпожу самой сладчайшей лестью. Но Персефона всегда делала вид, что ничего не видит и не слышит. Больше всего на свете она ненавидела лезть. Да и сама ведьма богине была очень ненавистна. Когда-то Голло попыталась один единственный раз причинить ей вред и сожалела потом об этом до самой своей гибели от рук Геракла. А Цербера и вовсе не замечала. Страшно ужасен был трёхголовый страж Тартара, но при появлении Персефоны тотчас же превращался в щенка. Даже родив от Аида Евменид (богинь-мстительниц) и Макарию (богиню блаженной смерти), богиня так и не смогла его полюбить. И всякий раз покидая Царство Мёртвых, навестив Деметру (несчаст-

ная мать, не видя дочь, всё время пребывала в чёрной печали) и Зевса (хотя Гера падчерицу никогда не жаловала), отправлялась на поиски своей любви. Но... даже самые красивые из мужчин не могли утолить тоску богини.

Поняв, что добровольно Персефона никогда не станет его, отец зла попытался околдовать несговорчивую, но еле ноги унёс от молний разгневанного Зевса. Да и Геракл, прибыв на зов отца-громовержца, внёс свою лепту. Легендарный герой преследовал Индрика Змея до самого Буяна, угрожая мечом былинным и дубиной из цельного ясеня. Только оказавшись в кромешной тьме родного Подземного Царства отец зла почувствовал себя в полной безопасности. Да и, сказать по правде, Геракл вовсе не собирался в его обитель. Как только Индрик Змей скрылся в подземелье, он тотчас же полетел обратно на Олимп, приказав крылатым сандалиям (подарку Гермеса) лететь быстрее мысли. После случившегося, отец зла затаил огромную обиду на всё и вся, ещё больше невзлюбив Аида, Персефону и всех, не имеющих, по его мнению, права на жизнь, людей. Хоть и люто он ненавидел Сварога и Зевса, но...

– Что-то я не о том сейчас говорю, – прервав свой рассказ, сказала бабуля, всплеснув руками, – совсем из ума выжила, старая.

Подняв пряжу с вечнозелёной травы, я положил её на стол. Потом снова сел на стул и задумался:

«Бабушка-то моя совсем и не изменилась. Такая же требовательная к себе, как и прежде. А о её любви к окружающему миру можно былины слагать. Никогда не стремилась ни к богатству, ни к власти. Ибо они всего лишь пшик.

Сколько бы ни было золота, его всегда будет не хватать. А значит человек будет стремиться обогатиться ещё больше и больше, забыв про всё на свете. Пострадают невинные люди. Да и самому богатею его сокровища добра не принесут. Ведь он будет, словно Кощей, над ним денно и ночью чахнуть, опасаясь всех и вся. Даже родные в его глазах в одночасье превратятся в алчных чудовищ и одиночество станет юдолью. Неужели не знает, бедолага, что с собой в иной мир ничего не заберёшь. А что может дать власть кроме желания владеть Вселенной и постоянного страха за свою жизнь? Ничего!

Никогда никому не завидовала. Всё люди получают по заслугам своим. Зависть порождает злобу. А злоба, целиком поглотив естество человека, превращает его в ненавистника всего и вся. Даже войны и ужасные преступления происходят по вине зависти. Никогда никому не льстила и говорила правду в лицо. Зачем уверять труса, что он просто очень осторожен? Глупого в том, что он мудр, потому что сыпет

зря словами? Разве сладкая ложь кого-то до добра довела? Все невзгоды воспринимала с улыбкой.

«Христос терпел и нам велел», – говорила мне не раз она.

Даже к самому отъявленному негодяю испытывала жалость. И я никак не мог её понять.

«Он не ведал, что творил, – говорила мне тогда бабуля, – ярость затуманила ему рассудок. Все мы дети божьи и имеем право на снисхождения за грехи наши. Даже самый ужасный убийца, покайся искренне, может получить прощение Творца. А вымоленные души грешников покидают Ад».

Любила всё и вся. Думаю, что она, подобно легендарному Данко, вынула бы своё сердце из груди и осветила им путь страждущим и потерянным...»

– Да ладно тебе, Ниночка, – тотчас же успокоил бабулю дед, вернув меня из царства мыслей, – от пояснений твоих повествование становится более интересным и поучительным. Думаю, и Виташа со мной согласен.

Я улыбнулся и кивнул головой. Тогда бабушка, поцеловав меня в щёчку, вновь взяла в руки пряжу и, поправив, сползшие на кончик носа, очки, продолжила свой рассказ.

Геката стала даже бояться собственной дочери! Да, яды бы не убили богиню. Но зелья Параскеи могли даже ей причинять нестерпимую боль. Всякий раз, увидев старшую дочь, Геката вздрагивала всем телом. Она бы и рада была от-

казаться пить принесённое вино, но... Индрик Змей постарался на славу. Параскея умела так заговорить зубы, что богиня полностью теряла всю свою великую волю.

А Кощей и Баба-Яга, услышав осторожные шаги сестры, тотчас же сливались со стенами мрачного подземелья.⁷ Они до самой крупной дрожи боялись её. И было за что.

Как-то раз, Кощей и Баба-Яга, сильно заигравшись в кости, даже и не заметили, как Параскея вошла к ним в самый дальний угол огромной подземной пещеры.

– Привет, роднюшки мои, – состроив самую милую улыбку, сказала старшая дочь Гекаты, – вижу, вы тут не скучаете. А давайте и я с вами тоже поиграю? Жуть, как обожаю кости!

Кощей и Баба-Яга согласились. И игра началась. Когда у Параскеи выпадало «3—3», у них лишь «1—1». Но игра есть игра. Везёт далеко не каждому. Но когда у Параскеи шесть раз подряд выпало «6—6», Кощей почуял неладное.

– А ну-ка, сестричка, – сказал он, злобно на неё посмотрев, – покажи-ка свои кости.

– Пожалуйста, – состроив, самую невинную из всех невинных, улыбку, произнесла зловедица.

Кощей внимательно рассмотрел кости, даже понюхал и на зуб свой золотой попробовал, но ничего подозрительного так и не нашёл.

– Ладно, – сказал он, – продолжим игру.

Сначала у всех игроков было по «1—1». И Кощей немного успокоился. Затем «4—4» четыре раза подряд лишь у него.

«Ух, везуха поперла!» – подумал тогда старший сын Гекаты.

Потом было «5—5» пять раз подряд у Бабы-Яги.

«Везёт же, дурочкам!» – завистливо подумал тогда Кощей.

Но когда у Параскеи девять раз подряд выпало «6—6», он взъерепенился:

– Обманщица!

Старшая дочь Гекаты, нацепив на лицо самую блаженную улыбку, тихо произнесла, махнув на него рукой:

– Окстись, Кощеюшка. Хочешь, посмотри снова мои кости. Я бы никогда не стала обманывать роднюшек своих.

Старший сын Гекаты бросил на сестру гневный взгляд. И снова, самым тщательнейшим образом, осмотрел её кости. Но опять ничего подозрительного не нашёл.

– Странно... -произнёс он и игра вновь продолжилась.

«1—1», «2—2», «3—3»... Всё сначала было у всех по мелочам. И Кощей снова успокоился. Потом лишь у него восемь раз подряд случилось по «4—4». Долго скакал после этого как безумный старший сын Гекаты вокруг сестёр. Затем у Бабы-Яги выпало «5—5» аж двенадцать раз подряд. Младшая дочь Гекаты бегала как безумная вокруг брата и сестры, громко голоса:

– Я везучая! Я везучая! Я везучая!

«Ну, ведьма!» – гневно подумал тогда Кощей.

Но вдруг у Параскеи целых тридцать раз выпало «6—6» и она громко закричала:

– Я выиграла! Я выиграла! Я выиграла!

– Бесстыжая! – тотчас же заорал громогласно Кощей, да так, что Индрик Змей проснулся, хотя его и пушкой было очень трудно разбудить.

Старший сын Гекаты сотворил из воздуха стопудовую палицу и, замахнувшись ею, хотел было ударить обманщицу. Он давно уже мечтал избавиться от любимицы Индрика Змея. Но Параскея вдруг обернулась огромной змеёй и, гневно зашипев, набросилась на него. То Кощей, превратившись в великана, скручивал сестру в бараний рог. То Параскея, опутав своим страшно длинным телом брата с головы до ног, дышала на него ядовитым дыханием. Баба-Яга, поначалу очень даже испугавшись, наблюдала, не мигая, за происходящей битвой.

Сказать по правде, младшая дочь Гекаты не любила ни саму богиню, ни брата, ни сестру. Лишь к Каллигенейе питала нежные чувства. Да и то только потому, что нимфа всякий раз потакала ей. Баба-Яга считала себя самой-самой-самой. И что все и всюду должны ловить её желания на лету.

«Да, Геката дала мне жизнь. И что с того?! – размышляла зловредная ведьма (Да, она именно ею и являлась, хотя и была совсем юной. В отличие от сестры и брата, она получила

свои сверхспособности вместе с кровью Абаддона, которого, хоть и ужасно боялась, но... как не странно... любила всей своей чёрной сущностью) – Лучше бы я родилась у Персефоны. Дед – Зевс. Бабки -Гера и Деметра. Отец-Аид. Сёстры – Евмениды и Макария. Совсем рядом Мойры. Орфей часто заходит. Чего ещё желать-то?! Захотела бы, тотчас бы на Олимп вознеслась.

Как-никак, родной дед там самый-самый-самый главный! Да, Гера зловредна, но... Неважно! Зато Деметра сама доброта! Правда, Евмениды и Макария – безумны. Но разве это плохо?! Там подпоёшь, здесь подпоёшь, глядишь, и самыми добрыми подругами тотчас бы стали. И о грядущем вовсе перестала бы беспокоиться. Зачем?! Мойры загодя бы обо всём предупреждали! Жаль, Орфей любит лишь свою Эвридику. И что он в ней нашёл?! Бледная, как поганка! Да и живёт у Аида вечность. То ли дело я! Э-э-эх... А Геката?! Подумаешь, богиня вселенского зла! Э-э-э-х, не повезло же мне с матерью! Отец и то в тысячу раз могущественнее её будет! Хоть и изверг он окаянный, но... Да ладно, у кого родилась, у того родилась... А Кощей с Параскеей?! Один страшен, как сама Смерть! Другая вовсе безумна! И чего только в ней нашёл Индрик Змей?! Чую, не чисто здесь! Он на неё смотрит не как отец на любимое дитя или дед на обожаемую внучку, а как муж на сильно вожделенную жену! Кстати об Индрике Змее... Почему он меня с братцем так сильно ненавидит?! Мы же ему совсем ничего плохого не сделали! Не понятно...

Кто бы знал, как мне эта крошечная тьма уже ужасно осточертела! Хочу на свет белый! Ну и что, что отец хотел нас всех со свету сжить?! Он всегда был немножко ни в себе! Я бы быстро нашла с ним общий язык, уж не сумлевайтесь!»

Вконец вымотавшись, Кощей, всё-таки, сумел ударить со всей своей безумной силы Параскею стопудовой палицей прямо по гигантской змеиной голове. Старшая дочь Гекаты, тотчас же став прежней, громко взвыла от ужасной боли. Но вдруг, схватившись за голову руками, она быстро-быстро завертелась юлой. Передалась старшей дочери Гекаты от Абаддона способность к быстрому заживлению любых, даже очень глубоких, ран. Прямо на глазах, сильно расплющенная от удара стопудовой палицы, голова, стала прежней, как будто бы ничего и не произошло. Прошло всего лишь несколько мгновений и Параскея полностью пришла в себя.

– Ты долго будешь жалеть об этом! – воскликнула старшая дочь Гекаты и стала произносить самые ужасные заклятья.

Сначала Кощей почувствовал, как ломаются все его кости и громко взвыл от нестерпимой боли. Потом у него потемнело в глазах и на чёрной душе стало очень и очень тоскливо.

– Горе мне горе! – заголосил он – Уродом уродился, несчастным и умру!

Но вдруг новая волна нестерпимой боли заставила его упасть плашмя на каменный пол подземелья и завертеться

волчком. На этот раз у зловредца огнём пылали лёгкие и ему было страшно трудно дышать. Но Параскея никак не унималась. Нависнув над братом, она стала руками водить на ним. И Кощей стал, быстро-быстро, менять свои облики. То пятидесяти пастытным, как Аскалаф, становился, взирая на сестру умоляющим взглядом. Но Параскея была неумолима. То двенадцатиголовым, как Гидра Аида, становился и всеми пастями молил о пощаде. Но Параскея была беспощадна. Видя страдания старшего брата, Баба-Яга, поначалу жутко испугавшись, вдруг почувствовала к нему огромную жалость (чего с ней никогда доселе не было) и, вскочив на ноги, набросилась на сестру с кулаками. Но Параскея лишь щёлкнула пальцами и на младшую дочь Гекаты упала огромная, жутко липкая, паучья сеть, крепко опутав несчастную по рукам и ногам. И чем больше пыталась освободиться Баба-Яга, тем больше ей становилось. Разбуженный Кощеем, повелитель Подземного Царства сразу же поспешил на выручку Параскее, но, увидев как его обожаемая малютка ловко издевается над старшим братом и сестрой, замер, как вкопанный, и стал очень громко хохотать. Лишь вмешательство Зевса, внезапно появившегося из яркого света, спасло Кощея и Бабу-Ягу от разъярённой фурии. Громовержец, сотворив молнию, бросил её под ноги Параскее и зловредица, тотчас же взыв от нестерпимой боли, совершенно позабыла про Кощея с Бабой-Ягой. На крики детей прибежала Геката. Увидев страдания старшей дочери, она сотворила, лёгкое как пё-

рышко, покрывало которое упало на зловредицу и избавило её от ужасных мучений. Гневно посмотрев на громовержца, богиня воскликнула:

– Никогда, слышишь, никогда не смей причинять боль никому из моих детей!

Геката очень сильно любила Кощея, Бабу-Ягу и Параскею, несмотря на их нелюбовь. Если бы понадобилось, то она, не задумываясь, пожертвовала бы ради кровиночек своей бессмертной жизнью.

Параскея, как и Баба-Яга, больше любила Абаддона, нежели богиню. Хоть и ужасно боялась отца. Но, в отличие от младшей сестры, была целиком и полностью согласна с Индриком Змеем, которого уже давно считала своим самым-самым-самым любимым другом, учителем и заступником. Ненавидела всё и вся, но больше всего Зевса, Аида и Персефону. А к Кощею с Бабой-Ягой, поначалу, относилась даже очень великодушно, считая юродивыми. Но, впитав как губка, презрение повелителя Подземного Царства, стала и их люто ненавидеть.

Зевс тотчас же умерил вой пыл и тихо произнёс:

– Геката, твоя старшая дочь целиком и полностью похожа на Абаддона. Ты это и сама прекрасно знаешь. Параскея очень опасна и для тебя, и для Кощея с Бабой-Ягой. Пой-

ми...

– Совсем позабыла, – всплеснула руками бабуля, – имена-то всем детям Гекаты и Абаддона дали Зевс со Сварогом. Отец всего сущего часто навещал брата своего. Старшего сына, за его ужасную костлявость, бессмертие, полученное с кровью отца, и отвержение любой святыни, будь то талисман Гекаты или подарок громовержца, назвали Кощею Бессмертным. Старшую дочь, за властолюбие и не желание признавать ничьей власти над собой – Параскеей. А младшую, за любовь к самым ужасным заклятьям и умение общаться с гадами ползучими, передавшуюся с кровью Абаддона, назвали Ягой. Откуда появилось Баба-Яга, не знаю точно. Быть может, это из-за того, что чем старше становилась дочка Гекаты, тем больше походила на старую вздорную бабу с обвисшими ниже пояса сосцами. Хотя... встречала я один раз старушку. Обычная, как и мы с тобой. А насчёт обвисших сосцов... полнейший бред. Да, нос горбатый с огромной бородавкой на кончике. Страшно?! Ничуть. Видала я и поужаснее. Да, нога одна костяная. Но ведь не из-за того, что голая кость. Просто когда-то Баба-Яга сильно ушиблась и стала прихрамывать. Ест гостей?! Да нет. Ведь после... Ой, снова я не о том говорю!

– Ниночка, – вновь бросился её успокаивать дед, – всё в порядке. Продолжай, моя дорогая.

Я поднял упавшую в вечнозелёную траву пряжу и протя-

нул рассказчице.

– Ну, так вот, – улыбнувшись, произнесла бабуля и рассказ вновь полился рекой.

– Она моя дочь! – прервала громовержца богиня.⁸

Зевс, поняв, что Геката непреклонна, махнул рукой и хотел было уже войти в яркий свет, но вдруг вспомнил, зачем явился в Подземное Царство.

Хлопнув себя по лбу, он произнёс:

– Можешь возвращаться в Карию. Абаддон больше никогда не потревожит ни тебя, ни детей твоих.

Услышав это, Геката, поначалу, очень даже обрадовалась. Ведь ей так осточертел Индрик Змей вместе со своим, четырежды проклятым, Подземным Царством. Но, посмотрев на Параскею, тотчас же вновь погрузилась, в ставшую уже привычной, печаль.

Как-то раз, богиня, наводя порядок в тёмной подземной пещере, случайно услышала разговор отца зла и своей старшей дочери.

– Я никогда-никогда-никогда не хочу покидать тебя, Индрик, – сказала Параскея, – ты мой самый-самый-самый любимый друг, добрый учитель и мудрый советчик.

– Милая моя малышка, – послышался голос повелителя Подземного Царства, – я никому не позволю отобрать тебя у меня. Мы встретим вечность, идя по жизни рука об руку.

Ты веришь мне?

– Да, – ответила Параскея.

Громовержец что-то ещё хотел важное сказать, да только никак не мог вспомнить, что именно. Он почесал бороду и, даже не попрощавшись, исчез, войдя в яркий свет. Кощей, с трудом поднявшись с каменного пола подземелья, злобно посмотрел на Параскею, погрозив ей кулаком и, обернувшись летучей мышью, полетел прочь из Подземного Царства. Геката, всплеснув руками, покачала недовольно головой и, дабы отвлечься от невесёлых дум, принялась за уборку, хотя всё вокруг и так сияло чистотой.

В отличие от сестёр, Кощей очень сильно любил свою мать, но никогда этого не показывал.

«Зачем, – думал он, – этим я только покажу свою слабость».

Любил ли зловердец Бабу-Ягу и Параскею? Нет, и ещё раз, нет. Наоборот, люто ненавидел.

«Ну и семейка!» - подумает кто-то.

Отец – злыдень беспощадный. Мать – богиня вселенского зла. Сын – страшный, как сама Смерть, и ужасный привереда. Старшая дочь-отцу под стать. Младшая-ведьма проклятушная. И будет прав, но... и не прав... Да, Абаддон-чудовище. И с этим не поспоришь! Но Геката-то, как я уже говори-

ла, творит не только зло. Но и добро. Хоть что-то да должно было хорошее передаться от неё детям. Но... не случилось... И кощей, и Баба-Яга, и Параскея впитали лишь всё самое худшее...

Так бывает не только в сказках и былинах, но и в обычной жизни. Из непослушных детей вырастают равнодушные взрослые, которые бросают своих родителей на произвол судьбы. Такие люди могут спокойно пройти мимо человека, попавшего в беду.

«Моя хата с краю – ничего не знаю!» - становится их девизом по жизни.

Но, попав в беду, они сильно удивляются, почему никто не спешит к ним на помощь. К несчастью, таких людей с каждым годом становится всё больше и больше.

Из сильно избалованных детей вырастают ужасные эгоисты. Такие люди считают, что Земля вертится лишь ради них самих. Они никого, кроме себя, не любят. Злобные, коварные и очень завистливые. Одиночество становится для них обителью.

Из маленьких садистов вырастают, беспощадные ко всему живому, убийцы... Примеров множество...

Кто в этом виноват? Во-первых, сами родители. Вместо того, чтобы окружить ребёнка с самого рождения любовью и заботой, они, бросив его на попечение бабушкам и дедушкам, либо карьеру строят, либо личную жизнь налаживают.

А потом, оставшись у разбитого корыта, винят кого угодно, но только не себя. Или наоборот, исполняют каждое желание своего чада, создавая самовлюблённого нарцисса. А кто-то с самого раннего детства приучает ребёнка к жестокости. Мол, ударь первым и все тебя будут сильно уважать, страшно боясь...

Во-вторых, садик и школа. То, чего не смогли привить родители, просто обязаны дать воспитатели и учителя. Но... они тоже люди...

И в-третьих, само общество, которое окружает человека от рождения и до самого последнего вздоха. Но... людям нет никакого дела до несчастья какого-то отдельного человека. Зато, когда он оступится, они с огромной радостью растерзают его, назвав исчадием Ада... Только единицы готовы прийти на помощь...

– Ой, – всплеснув руками, сказала бабуля, – опять я отвлеклась.

Я поднял вязание из вечнозелёной травы и, улыбнувшись, произнёс:

– Поддержу деда. Твои пояснения дорогого стоят.

– Молодец, Виташа! – воскликнул дед, хлопнув меня по плечу.

Бабуля, поправив съехавшие на кончик носа очки, улыбнулась и, вновь принявшись вязать носок (то ли для деда, то ли для меня), продолжила свой сказ.

Параскея, полностью придя в себя, с лютой ненавистью посмотрела на родную мать.

– Дура! – воскликнула она -Зачем вмешалась! Я что, тебя просила об этом?!

– Но... доченька... ты... -попыталась сказать Геката, за-
мерев от услышанного.

– Безумная! – никак не унималась зловедица – Я бы впи-
тала всю силу, четырежды проклятого, Зевса и обратила её
против него самого!

– Но... ты так кричала от боли... – попыталась успокоить
старшую дочь Геката.

– Как же я всех вас ненавижу! -громко закричала Парас-
кея- Будьте вы все прокляты!

Индрик Змей стоял, скрестив руки на груди, и улыбался.
«Как же моя малютка прекрасна в гневе! – думал он -С
такой женой я буду вечно защищён от любых поветрий!»

– Но... доченька... я же тебя люблю всем сердцем... -тихо
сказала Геката, всплеснув руками от отчаянья.

– Да кому нужна-то твоя любовь?! – злобно воскликнула
Параскея – От неё лишь одно зло!

– Но... -хотела что-то сказать богиня, но старшая дочка
с такой лютой злобой на неё посмотрела, что она предпочла
промолчать.

– Вот что! – прервал своё молчание Индрик Змей – Я дол-
го терпел тебя, Геката, и твоих выродков! Но любому тер-

пению приходит конец! Немедля бери Кощя с Бабой-Ягой и убирайся из моей обители прочь!

«А ведь когда-то я так любила его всем сердцем», – печально подумала богиня, услышав это.

– Но... но... Параскея... – начала было несчастная.

– Она моя!!!! – в страшном гневе заорал повелитель Подземного Царства, перебив Гекату.

Кощей и Баба-Яга, услышав требование Индрика Змея, даже очень обрадовались. Они просто были готовы расцеловать зловредца...

– Бабуля, – вновь прервал я рассказчицу, – а куда пропал беспощадный Абаддон?

Дед с неодобрением на меня посмотрел, недовольно покачав головой. А бабуля, улыбнувшись, ответила:

– Не смог зловредец, на этот раз, преодолеть Великую Стену Вечности Сварога. Четырежды пытался, да только тщетно. А на пятый и вовсе застрял меж миров. Даже Князь Тьмы, услышав в своей Геенне огненной крики Абаддона, не смог его вызволить. Хоть и стоял коварный демон костью поперёк горла, но отказать ему в помощи он никак не мог. И на это были свои причины. Абаддон, нарушая запрет Творца, появлялся в мире смертных и обманом заманивал людей в Ад. Князь Тьмы был очень рад наблюдать за мучениями несчастных, подвергая их самым ужасным пыткам. А вдоволь натешившись, лишал всего человеческого и превращал

в бездушных рабов своих.

– Спасибо, теперь мне всё стало понятно, – подмигнув dedu, сказал я.

– Ну, раз так, – улыбнулась бабуля, – тогда слушай продолжение.

– Я не оставлю свою дочь! – воскликнула богиня.

Индрик Змей, услышав это, громко расхохотался.

– Да кто тебя спрашивать-то будет, дура проклятушая!!!! – заорал он громко – Параскея принадлежит мне и только мне!!!!

– Да кто ты такой?! – воскликнула Геката – Бельмо на глазу трёхмирья!!! Думаешь, вечно будешь коварствовать?! Так знай же, изверг проклятуший, падёшь ты от руки сына своего!!!!

Услышав это, Индрик Змей вконец вышел из себя и произнёс самое ужасное заклятье, способное лишить жизни даже бессмертных. Но не тут-то было! Из яркого света появился Зевс и пронзил зловредца пятью огненными стрелами. 9 Индрик Змей, громко взыв от нестерпимой боли, плашмя упал на каменный пол подземелья и, повертевшись несколько мгновений волчком, замер, лишившись чувств. Громовержец, помог подняться Гекате и, улыбнувшись, сказал:

– Собирайся. Пора уж давно вернуться в Карию. Автония подготовила дворец к твоему приезду.

– Но... как же... Параскея... – тихо произнесла богиня.

Зевс, с нежностью на неё посмотрев, ответил:

– Ты сама ведь прекрасно знаешь. Индрик Змей не отпустит твою старшую дочь с тобой.

– Но... я... не смогу без Параскеи жить... -так же тихо сказала Геката.

– Убирайтесь все вон из моей обители! – вдруг воскликнул Индрик Змей, вскочив на ноги.

Да, молнии громовержца пронзили ему и сердце, и лёгкие, и селезёнку, и почки, и даже прошли сквозь мозг. Но... хоть и причинили нестерпимую боль, но изжить со свету не смогли. Зевс, с нескрываемой ненавистью посмотрев на повелителя Подземного Царства, щёлкнул пальцами и зловредца опутала липкая сеть. Чем больше отец зла пытался вырваться, тем сильнее запутывался.

– Собирай детей и в путь, – снова улыбнувшись, сказал громовержец.

– Я сейчас... – тихо произнесла Геката и подошла к Параскее.

Та, злобно посмотрев на мать, оскалилась и воскликнула:

– Что? Торжествуешь, безумная?! Победила-таки изверга окаянного?! Дура!

– Хотя ты и не любишь меня, доченька, но оставить тебя без защиты не могу, – еле сдерживая слёзы, произнесла богиня и протянула ей небольшой талисман: череп, смотрящий пустыми глазницами, а вокруг него три четыре стрелы.

– Мне ничего от тебя, тварь неблагодарная, не нужно! –

воскликнула Параскея, но подарок взяла – Индрик тебя пригрел, а ты... Ненавижу!

Услышав это, Геката больше не смогла сдерживать слёзы. Зевс, гневно посмотрев на Параскею, нежно обнял богиню.

– Нам пора- сказал он, улыбнувшись.

– Кощей, Баба-Яга, собирайтесь, – тихо произнесла Геката, бросив на старшую дочь печальный взгляд.

Но Параскея лишь злобно фыркнула. Она очень сильно сжала материнский подарок в руках и тотчас же громко вскрикнула от боли. Чтобы ужасное заклятье исполнилось, надо было смешать его с кровью. Для этого в талисмানে была спрятана малюсенькая иголочка. Как раз об неё и укололась старшая дочь Гекаты.

– Осторожней, доченька! – воскликнула богиня -Талисман этот очень и очень опасный! С его помощью можно вызвать ужасные потопаы и ураганы, с беспощадными чумой и холерой!

Услышав это, Параскея злорадно улыбнулась, но так и не поблагодарила мать. Мол, ты и так должна мне, и точка.

– Я же сказал-все вон! – вновь заголосил Индрик Змей.

Кощей и Баба-Яга в одно мгновение собрались и ждали свою мать. Геката, бросив последний, переполненный печалью, взгляд на Параскею, вошла следом за Зевсом в яркий свет. А Кощей и Баба-Яга поспешили вослед. Когда мать с братом и сестрой исчезла, Параскея, с любовью посмотрев на Индрика, произнесла:

– Теперь никто-никто не помещает нам.

На что повелитель Подземного Царства, оскалившись в улыбке, ответил:

– Ты права, моя малютка, ты права.

В одно мгновение Зевс, Геката и Кощей с Бабой-Ягой переместились в Карию. Они опустились прямо перед дворцом богини. Автония, увидев хозяйку, всплеснула руками и пятьюкратно расцеловала её. Потом, по очереди, обняла детей. А Зевсу лишь кивнула. Как-никак, она была жрицей Гекаты. А кто такой громовержец? Всего лишь глава Олимпа. Зевс давно уже привык к такому обращению старушки. Хотя кого другого за такую наглость давно бы уже испепелил своей молнией.

– Ну, – улыбнувшись, сказал громовержец, – мне пора. Сама знаешь, оставлять Олимп без присмотра надолго нельзя.

И, войдя в яркий свет, исчез.

– Проходите, проходите, – затараторила Автония, – я уже давно приготовила всяких вкусностей.

Геката, тяжело вздохнула, вспомнив о Параскее, и вошла во дворец. Следом поспешили Кощей и Баба-Яга. Они были очень сильно рады возвращению домой. Чего только не наприготовила жрица! Всего и не опишешь! Но не о том мой рассказ. Вдоволь насытившись Кощей и Баба-Яга удалились в большую залу, чтобы показать друг другу свои магиче-

ские умения. Они и в Подземном Царстве часто этим занимались. Но там был вечно недовольный ими Индрик Змей. А во дворце матери никто никогда не мешал. Даже без помощи Гекаты, которая решила вовсе ничему их не обучать, они обладали не дюжими способностями. Как- никак, мать и отец с бабкой были первоклассными чародеями. Почему богиня так решила? Она, просто-напросто, побоялась, что Кощей и Баба-Яга станут подобными Параскее. Да, они не любили её, но... Вдруг всё вокруг, как уже не раз бывало, наполнилось сладковатым ароматом нарцисса, предвкусывая появление самой доброй и единственной подруги несчастной Гекаты. Никто больше не рисковал, даже Афина с Афродитой, общаться с ней.

– Я так рада, что ты, моя дорогая, вернулась домой! – воскликнула Персефона, расцеловав подругу.

– Спасибо тебе, – улыбнувшись, произнесла Геката, – роднее тебя у меня только мама и дети. Но, как ты прекрасно знаешь, Астерия вечно чем-то занята и не часто вспоминает о нас. А дети... Э-эх...

«Мама... – подумала богиня – знала бы ты, как мне сейчас тебя не хватает... я не знаю, что делать... совсем руки опустились... муж извергом оказался... а ведь ты, как всегда, была права, дурочка я наивная... сразу же его чёрную сущность разгадала, да понадеялась на свою магию... теперь, вот, расплачиваюсь... дети... совсем не любят меня... Параскея даже люто ненавидит... за что мне такие муки?»

Почувствовав её печаль, Персефона ударила в ладоши и тотчас же возникло, так любимое Гекатой, вино. Нигде и никогда больше не пробовала дочь Астерии такого. Сколько раз она просила подругу раскрыть секрет. Но...

– Давай, подруга моя милая, посидим, о том, о сём поговорим, – сказала дочь Зевса, улыбнувшись, наливая хмельной напиток в сосуд для разбавления с водой...

– Почему богиня это сделала? – спросила бабуля и тут же ответила – Всё дело в том, что вино было настолько крепким, что даже от его благоухания можно было тотчас же сильно опьянеть.

Моя рассказчица отложила в сторону пряжу и, посмотрев на солнце, сказала, улыбнувшись:

– Как говорить: «Сказ-сказом, а обед по расписанию».

– Да-да, – задумчиво произнёс дед.

Я посмотрел с большой любовью на обоих и сказал:

– С удовольствием бы остался ещё, но...

– Что случилось, внучек? – перебила меня бабуля – Ты куда-то сильно спешишь?

– Не стоит волноваться, – с улыбкой сказал дед, – ты вернёшься ровно в ту же самую минуту, в которую отправился к нам.

Хоть я, по правде сказать, и не спешил никуда, но услышанное меня сильно обрадовало.

«Вот это да! – подумалось в тот миг – Совсем как

на „Delorean“ дока Брауна!».

– Ну, раз так, тогда посижу у вас до самой глубокой ночи, – сказал я, улыбнувшись, сильно обрадовав бабулю.

Она трижды ударила в ладоши и на столе возникли мои самые любимые обеденные блюда: борщ со сметаной и пампушками с чесноком, щи из свежей капусты, окрошка, картошка с укропом и куриными котлетами, копчёные куриные окорочка... всего и не перечислишь...

Почувствовав вдруг, что очень даже сильно голоден, я, сначала всё поев глазами, принялся разбираться с царящим обилием. Бабуля и дед с великой любовью наблюдали за мною. Но мне это есть совсем не мешало. А даже наоборот, повышало аппетит. Хотя, положив руку на сердце, на кого-кого, а на него я никогда не жаловался. Да, мой дед говорил, что:

– Больше мы на эту еду и смотреть не можем.

Но на самом же деле ни он, ни бабуля, вообще ничего не ели. А зачем ангелам людские прихоти? Они и от росы с нектаром получают больше наслаждения, чем смертные от самой изысканной еды. Правда, мы-то ещё и полнеем от чрезмерного чревоугодия. А ангелы никогда.

Извините, отвлѣкся... и со мною это часто бывает...

Вдоволь насытившись, я поблагодарил бабулю и попросил её продолжить. Она вновь взяла в руки вязание. Ненадолго

задумалась, как будто бы что-то вспоминая. И рассказ снова потёк полноводной рекой.

До самой поздней ночи проговорили Геката и Персефона. Уже и Кощей с Бабой-Ягой спать улеглись. И даже вечно работающая Атония уgomонилась. Жрица тенью стояла рядом с подругами, готовая в любой момент выполнить любую просьбу хозяйки.

С самого рождения Автония была посвящена Гекате. Так уж сложились звёзды. Как только девочке исполнилось пять лет, родители тотчас же отдали единственную свою дочь в обучение к самой древней и самой уважаемой жрице богини. Поначалу, маленькая девочка, выполнив все поручения мудрой Авги, по ночам плакала, вспоминая отца и мать. Не по своей воле они отдали дочь. Пришли солдаты и силой увели девчушку. Что написано Богами, смертным не переписать. Но, по прошествии нескольких месяцев, пообвыкла. И даже стала расспрашивать обо всём Авгу. Древняя жрица, довольная любознательностью ученицы, с радостью отвечала на все её вопросы. И Автония впитывала всё как губка. Когда девочке исполнилось девять, Авга позволила ей присутствовать при жертвоприношении Гекате. Обычно жертвой были чёрные собаки, посвящённые богине. Но можно было приносить в дар и других животных. Кроме кошек, ворон и сов, ибо они священны. Любого, кто посмеет нарушить запрет,

ожидали страшные муки в Тартаре. Но и просто мясо или кровь животных могли служить жертвоприношением. Бывали и человеческие жертвы. Но очень и очень редко. Порой хватало всего лишь нескольких капель крови. В десять лет Автония уже сама умело, с первого же раза, перерезала жертвенным ножом горло животных. Девочка совсем не боялась смерти. Да и кровь не вызывала у неё ужаса. Когда Автонии исполнилось пятнадцать, Авгия ушла в мир иной, наделив молодую жрицу всей своей могучей силой... 10

А Каллигенейя всё это время сидела в покоях Кошца и Бабы-Яги. Нимфа, наблюдая за спящими любимцами, тихо произносила заклинания, навевающие добрые и исцеляющие сны.

Тем временем Абаддон снова и снова пытался освободиться из крепких тисков Великой Стены Вечности, но... опять и опять тщетно. Однако это его никак не остановило. А наоборот, наполнило не дюжей решимостью. Он никогда ни перед чем и ни перед кем не отступал.

«Кто такой Сварог?! Всего лишь один из огромного числа Богов этого треклятого трёхмирья! Князь Тьмы во сто крат его помогущественней будет! Да даже если бы и сам повелитель Геенны огненной создал эту треклятую стену, меня бы это никак не остановило! Я ведь тоже не лыком шит! Как-никак, самый сильный из всех демонов! Это даже

сам Князь Тьмы признаёт! Я не доставлю удовольствие какому-то безумному Богу, став его вечным пленником!» – злобно подумал демон, смахнув рукою пот со лба.

Он вдруг стал выкрикивать все самые могущественные заклятья, которые знал. Но это никак ему не помогло. Однако и на этот раз Абаддон не стал покоряться судьбе. Он ненадолго задумался и вдруг, хлопнув себя по лбу, воскликнул:

– Какой же я дурень! Про Заклинание Трёх, способное связать то, что никогда соединиться не сможет, и разорвать даже самые крепкие связи, совсем позабыл!

И тут же, отрешившись от всего и вся, стал нараспев произносить древние как мир слова. Сначала ничего не произошло и демон даже усомнился в заклятье.

«Неужели я ошибся?! – подумал демон -Нет, нет, нет!»

Но вдруг Великая Стена Вечности стала трескаться. Поднялся такой шум, что Абаддон, боясь оглохнуть, тут же закрыл уши руками. И через несколько мгновений, когда преграда, созданная Сварогом, рассыпалась на самые мелкие кусочки, он стал абсолютно свободным.

– А теперь, моя милая жёнушка, где бы ты ни находилась, знай, что я никогда не успокоюсь, пока не изживу тебя и всех твоих проклятых выродков со свету! – воскликнул демон и, обернувшись туманом, поплыл на поиски Гекаты.

Сокол, ясное око Сварога, всё это видел и тотчас же поспешил к дубу Карколисту на остров Буян. Да, он прекрасно

мог сам долететь до Небесного Царства и обо всём поведать отцу всего сущего. Но рушить древние, как мир, устои никак не хотел. Добравшись за несколько мгновений до места (Сварог наделил его способностью лететь быстрее мысли), сокол трижды позвал белку и всё ей подробно рассказал.

Выглянув из окна, Персефона всплеснула руками.

– Ой, уже так поздно, – сказала она, – Аид, наверное, уже послал гарпий на мои поиски. Ну и пусть. Я что, обязана вечно быть рядом с ним? Ведь совсем же не любит меня, проклятуший. Да и я, сказать по правде, его не дюже уважаю. Тюремщик он мой. Знала бы ты, каково мне быть в Тартаре, живой и красивой. Одного Аскалафа достаточно, чтобы возненавидеть всё, что там меня окружает. А ведь это чудовище в меня по уши влюблено. Если бы не коварство Аида... Э-эх, жизнь моя наполнена чёрной грустью...

Снаружи послышался какой-то шум. Геката вздрогнула, подумав о муже. Персефона, выглянув из окна, воскликнула:

– Ну, я же говорила!

Автония, почувствовав страх хозяйки, стала тотчас же её успокаивать:

– Это гарпии, богиня. Они вам не причинят никакого вреда.

Геката, собрав волю в кулак, выглянула в окно. Да, никакого Абаддона там не было. Лишь пять гарпий замерли, ожидая Персефону. Ох, как же они были ужасны! Полужен-

щины, полуорлицы, с огромными острыми когтями. Персефона, улыбнувшись, поцеловала подругу и вышла из дворца. Следом за ней поспешила Каллигенейя. Геката с нежностью посмотрела на Автонию и отпустила жрицу спать. Оставшись в полном одиночестве, богиня погрузилась в воспоминания...

Дослушав до конца, вездесущая посланница отца всего сущего стрелой помчалась к его чертогу. Она прекрасно понимала, что должна как можно скорее обо всём рассказать. Ведь исчезновение Великой Стены Вечности означало наступление ужасных времён для всего трёхмирья. Сварог уже хотел было обернуться в орла, собравшись в Подземный Мир. Ещё утром к нему в чертог прилетел Гермес с просьбой Зевса утихомирить Индрика Змея. Но увидев Белку, сел на лавку и стал её очень внимательно слушать. Чем дальше она говорила, тем мрачнее Сварог становился. Весть об исчезновении могучей преграды была ужасна даже для него. Дослушав до конца, он воскликнул:

– Великая Беда пришла в наше трёхмирье! Нельзя никак допустить превращения Небесного, Поднебесного и Подземного Царств в обитель вселенского Зла!

И взяв в руки Рог, трижды протрубил в него. Тотчас же к его чертогу поспешили славные воины из дружины бессмертных. А следом за ними пришли все сварожичи.

Облетев всё Поднебесное Царство, Абаддон почувал при-

сутствие Гекаты на Буяне и поспешил опуститься на остров. Демон мог найти всё, что угодно. Он обладал как не дюжим зрением и самым чутким во всех мирах нюхом, так и острым слухом. А так же мог по одному единственному прикосновению к чему бы то ни было узнавать всё о том, что происходило рядом. Потрогав камень, на котором когда-то сидела Геката, он зловеще произнёс:

– Так-так, жёнушка. Значит Индрик Змей приютил тебя, моя дрожайшая. Ну что же, пойду навещу вас.

Тем временем, Князь Тьмы, собрав всё своё бесчисленное чёрное войско, решил вторгнуться в наше трёхмирье. Ему уже донесли, что Великая Стена Вечности исчезла.

– Наконец-то! – воскликнул отец вселенского Зла, узнав эту радостную весть – Теперь-то я смогу стать Владыкой всего сущего! И никто и ничто не сможет мне помешать! Кто-такие Творец, Сварог, Зевс и все другие боги! Никто! Да я одной левой сброшу их с небес и отправлю на вечные муки в Геенну огненную! Пусть на себе узнают, каково это быть всеми отверженным!

Ему до ужаса осточертел Ад. Он всегда считал своё изгнание неправильным. Да, пошёл против воли Творца. И что с того?! Ведь, так любимые Создателем люди, даже в мыслях очень грешны. И что?! Он их карает молниями?! Нет! Так почему же тогда им можно грешить, а ему, Князю Тьмы, нельзя?!

Но не только Хозяин Преисподней возрадовался, когда Великая Стена Вечности исчезла. В одном из самых-самых-самых дальних миров, под названием Край Ненависти, который находился там, где Солнце встречается с Луною, жил кровожадный Абдукампунаристо. Он люто ненавидел всё и вся. 11

Внезапно раздавшийся шорох отвлек Гекату от раздумий. Вздрогнув, она прочитала заклинание, делающее зрение кошачьим, ведь кругом царствовала крошечная тьма, и внимательно огляделась по сторонам. Никого и ничего рядом не было.

«Показалось, – подумала богиня, – это всё из-за дурных предчувствий. Чем дальше думаю о них, тем всё сильнее и сильнее они становятся. И хотела бы прогнать душегубов, но никак этого не могу сделать. Предчувствия не раз спасали меня из разных безвыходных положений. Но и не верить Зевсу тоже не могу. Раз он сказал, что Абаддона больше не стоит опасаться, значит так оно и есть на самом деле. Интересно, а что такого с ним приключилось? Надо будет завтра обязательно об этом расспросить Персефону. Как-никак, дочь Зевса. Мне-то он всего не расскажет. Уж очень сильно оберегает от всего. Порой, я даже думаю, а не влюбился ли громовержец в меня? А что. Я ещё о-го-го... Но чего или кого тогда ещё опасаться? Индрика Змея? Так я ему и не нужна

вовсе. Он получил то, что хотел. Бедная моя доченька...»

Усталость брала своё и Гекате вдруг страшно захотелось спать. Она уже было легла на ложе, но вновь раздавшийся шорох заставил её вскочить на ноги. Нет, ни крыс, ни мышей, ни змей, как любая другая женщина, она ни капельки не боялась. Как-никак, была могущественной ведьмой. Но этот шорох совсем не походил на звук скребущих по земляному полу лап или извивающегося по нему же тела. Тут было что-то другое. Богиня снова пристально осмотрелась по сторонам, но вновь никого и ничего не увидела.

«Странно... – подумала Геката – То ли я сошла с ума, то ли...»

Она взмахнула левой рукой и прочла заклинание, делающее всё невидимое видимым. Но снова никого и ничего. Сонливость как рукой сняло. Богиня, ненадолго задумавшись, произнесла Заклинание Пяти, пронзающее время и пространство.

И только тогда заметила некое странное существо, непохожее ни на одно, известное ей, животное. Кошачья голова покоилась на длинной страусиной шее.

Покрытое очень густой шерстью туловище было наполовину заячье, наполовину львиное. Но хвост... Такого Геката ни у одного животного не видела. Вроде бы и заячий, но, в то же время, львиный и... как у головастика. Передние лапы были волчьи, задние – свиные. И те, и те заканчивались острыми орлиными когтями. Увидев удивлённый взгляд бо-

гини, существо оскалилось в улыбке, показав острые, как кинжалы, белые зубы, смешно подвигав маленьким носом. После чего низко поклонилось и произнесло:

– Очень рад, Геката, лицезреть тебя!

Богиня улыбнулась в ответ, крайне довольная таким общением. Она даже и не удивилась тому, что существо её знало. Геката была известна далеко за пределами нашего трёхмирья. Как-никак, она была прародительницей всех ведьм и ядовитых растений. Существо, несколько раз чихнув, продолжило:

– Я мангуринг из Края Ненависти. Он находится там, где Луна встречается с Солнцем. Когда-то мой мир назывался Вечно благоухающей Землёй. Повсюду, куда ни кинь взгляд, росли вечнозелёные травы и вечно плодоносящие деревья. Кроме ваших Солнца и Луны, наш мир освещали Крамнотина, око Абмунтаринга, верховного Бога мангурингов, и Сампостин, око Карноптисмани, любимой жены Абмунтаринга и защитницы всех матерей. Мы жили три тысячи лет и горя не знали. Мангуринги рождены бессмертными. Но вдруг верховный жрец Абмунтаринга Сумпотисмотурн создал себе помощника Абдукампунаристо, наделив всем своим могуществом. Никто из нас никогда не обладал магическими силами. Да и зачем нам это было нужно? Ведь с самого рождения мы только и делали, что поедали плоды деревьев и пили нектар цветов. Ни дождя, ни снега, ни... В нашем мире царило вечное лето. Признаюсь, с такой очень

густой шерстью не просто было переносить жару. Спасала вода. Когда-то в нашем мире было сто морей, пятнадцать океанов и бесчисленное множество озёр и рек. В них водились не только рыбы, но и жили наши родичи мангутанги. Они полная копия мангуринов, только когтей нет вовсе, зато между пальцами перепонки. С их помощью мангутанги очень даже быстро плавают. Да и вождя у них никогда не было. Каждый из мангутангов считал себя Богом. В общем, все жили, не тужили. Только Сумпотисмотурн владел магией. Оно и понятно. Ведь, как-никак, он был верховным жрецом Абмунтаринга. Правда, мы к нему очень редко обращались. Ведь никогда ничего эдакого не происходило. Мы даже не простывали. Абдукампунаристо целыми днями напролёт сидел в доме верховного жреца и только и делал, что ел да пил. Мы не раз слышали громкие крики Сумпотисмотурна, осуждавшего нерадивого помощника. Но, посмеявшись, тут же про всё и забывали. И, как оказалось, зря...

– Ой! – вдруг послышался голос Бабы-Яги – А это что за диковинный зверь такой?

Мангуринов вновь осканился в улыбке. Затем низко поклонился и нежно поцеловал её руку. Баба-Яга, совсем не привыкшая к этому, покраснела от смущения как маков цвет. А мангуринов, ещё раз осканившись в улыбке, продолжил:

– Незаметно пролетело два года. Наши дети, совсем недавно ни на шаг не отходящие от матерей, подросли и разошлись на все четыре стороны. А мы, ни на год не по-

старев, народили новых. Ведь так здорово, когда есть твоё продолжение. Кампотисмуторнир, наш самый мудрый и самый древний вождь, как обычно в начале нового года, бросил в глубокий колодец, предсказывающий грядущее, горсть золотых монет. И, не услышав всплеск воды, улыбнулся, вновь провозгласив вечную благодать. Мы троекратно крикнули ему:

– Слава! Слава! Слава!

Ибо всем сердцем любили вождя. А затем разошлись по всем сторонам света, чтобы вновь и вновь наслаждаться плодами и нектаром. Мы думали, что благодать никогда не закончится. Но... наш мир стал незаметно изменяться. Сначала обмелели все реки и озёра. Потом в сотни раз уменьшились моря и океаны. И совсем исчезли ручьи. Недовольные этим мангутанги пошли к Сумпотисмотурну, надеясь получить ответ на происходящее. Но коварный жрец их даже и близко к своей пещере не подпустил. Тогда они решили обратиться к самому Абмунтарингу. Даже жертву, что никогда доселе не делали, ему принесли. Но и Бог оказался глух к их мольбам.

Хоть и страдали мы очень от жары, но случившееся восприняли без каких-либо дурных предчувствий. Да, нам было жаль наших родичей. Но... Однако, когда стали, одно за другим, высыхать деревья, мы призадумались. Кампутисмуторнир попытался сам при помощи костей узнать причину. Но...

– Ну и умора! – послышался голос Кощея, показывающего костлявым пальцем на мангуринга.

Геката недовольно покачала головой. Но гость ни чуточку не обиделся. Он вновь оскалился в улыбке и, низко поклонившись, крепко пожал волчьей лапой руку старшему сыну богини. А затем вновь продолжил:

– Кости ничего путного нашему вождю не сказали. Тогда он пошёл к Сумпотисмотурну. Но и его, хоть и боялся сильно, верховный жрец не пустил к себе в пещеру. Мудрец, недовольно покачав головой, вернулся к нам и развёл лапами. Мы тотчас же приуныли. Но делать было нечего. Не прошло и двух недель, как все деревья исчезли. А ещё через несколько дней и вечнозелёные травы. Начался ужасный голод. Да, мангуринги и мангутанги бессмертны. Но... Дошло до того, что мы стали есть землю. Но от этого есть хотелось ещё больше. Только Сумпотисмотурн и Абдукампунаристо ходили сытыми и довольными. Увидев это, Кампутисмуторнир грозно потребовал у них ответа. Но верховный жрец, махнув на него рукой, громко рассмеялся. А Абдукампунаристо, неожиданно для всех, сотворил из воздуха кинжал и пронзил им сердце нашего мудрого вождя. Кампутисмуторнир вскрикнул и... умер. Мы остолбенели, не веря глазам своим. Сумпотисмотурн, оскалившись в улыбке, четырежды свистнул и дважды хлопнул в ладоши, произнеся что-то на незнакомом для нас языке. Прошло мгновение и мы оказались с ног до головы опутанными липкими сетя-

ми. Чем больше старались высвободиться, тем сильнее они затягивались. Вконец вымотавшись, мы затихли. Увидев это, Сумпотисмотурн вновь громко рассмеялся и воскликнул:

– Нет больше ни Абмунтаринга, ни жены его Карноптисмани! Отныне и навечно я ваш единственный и неповторимый Бог! На колени, черви!

Мы и хотели бы не повиноваться зловердцу, но какая-то неведомая сила заставила нас делать это. Показав на своего помощника, Сумпотисмотурн продолжил:

– Абдукампунаристо теперь ваш вождь! Вы прекрасно видели, что случилось с этим старым дураком Кампутисмуторниром! И так будет с каждым! Даже за самую маленькую провинность смерть!

Он щёлкнул пальцами и сети ещё сильнее сдавили нас, лишив возможности нормально дышать... С тех самых пор прошло пятьсот ужасных лет. В нашем мире исчезла вся вода. И нестерпимая жара стала сводить нас с ума. Появились болезни, превращающие жизнь в подобие смерти. Многие мангуринги и мангутанги стали поедать своих детей и друг друга. Сумпотисмотурн вконец обезумел. Мало того, что он забирал всех самых красивых дев к себе и делал своими наложницами. Так этот изверг проклятуший ещё и повелел в жертву себе детей наших приносить. А Абдукампунаристо, уничтожив больше половины мангурингов и мангутангов, объявил себя Богом. Многие стали его покорными рабами и он, пользуясь своей безнаказанностью, жестоко пытал

их. Сумпотисмотурн разгневался на бывшего помощника. Оно и понятно. Ведь жрец считал себя единственным и неповторимым Богом. Он уже хотел было со свету Абдукампунаристо сжить, произнеся страшное заклятье, но тот оказался половчее, вонзив ему в сердце кинжал. Сумпотисмотурн вскрикнул и испустил дух.

– Отныне и на веки я и только я ваш единственный и неповторимый Бог! – воскликнул Абдукампунаристо.

И большинство мангуринов и мангутангов упали перед ним на колени. А тех немногих, кто не покорился ему, зловредец приказал заживо похоронить, придавив сверху огромным камнем. Только я смог избежать страшной участи. И, притворившись подобострастным рабом, стал внимательно наблюдать и слушать. Прошло ещё десять лет. Жить в Краю Ненависти, как прозвал наш мир Абдукампунаристо, стало совсем невозможно. Когда и зловредец понял это, то приказал всем, оставшимся в живых, мангуринам и мангутангам, собраться у его пещеры.

– Мы отправимся войной на соседние миры! – воскликнул он – И, превратив их в безводные пустыни, двинемся дальше!

Прошло ещё пятнадцать лет. За это время восемь, когда-то таких же, как и Вечно благоухающая Земля, миров были превращены в безводную пустыню. А совсем недавно Абдукампунаристо узнал, что Великая Стена Вечности, защищающая ваше трёхмирье, исчезла.

– Черви! – воскликнул он, вновь собрав всех перед своей пещерой – Впереди самый большой из миров! Превратим же и его в безводную пустыню!

Я не стал медлить и поспешил к вам, чтобы предупредить о грозящей опасности. К сожалению, вожди других миров посчитали меня безумцем...

Выслушав гостя до конца, Геката сотворила из воздуха голубя и послала его к Зевсу.

Оказавшись в Подземном Царстве, Абаддон очень даже быстро нашёл Индрика Змея и Параскею. 12 Да, если по правде сказать, и не пришлось ему их вовсе искать. Они нос к носу столкнулись прямо недалеко от входа в мрачную обитель отца зла. Коварец вместе со своей любимицей быстрым шагом направлялся в Поднебесное Царство. Он давно хотел посмотреть, чему научилась Параскея и сможет ли она быть совершенно беспощадной не только к душам людским, но и к самим смертным. Увидев демона, Индрик Змей не смог скрыть своего удивления. Ведь он-то думал (и совершенно справедливо), что тому ни в жизнь не преодолеть его могущественного заклятья.

– Что, злыдень, не ожидал меня здесь увидеть? -оскалившись в улыбке, спросил Абаддон, и громко захохотав, ударил отца зла панибратски по плечу.

Придя от такой неопишуемой наглости в себя, повелитель Подземного Царства, с трудом подавив гнев, нацепил на ли-

цо свою самую милую улыбку и ответил:

– Сказать по правде, ты меня смог удивить, тлетворный. Не всякому бы удалось преодолеть Заклятье Восьми Замков. Но, раз ты здесь, то, как говорится, милости просим. Я тотчас же прикажу слугам накормить и напоить тебя с дороги.

Абаддон, сменив весёлость на лютую злобу, воскликнул:

– Чего ты мне, треклятый, зубы-то заговариваешь?! Прекрасно же знаешь, зачем я здесь?! Говори немедленно, где моя дрожайшая супруга!

Индрик Змей, сбросив улыбку, щёлкнул пальцами и исчез вместе с Параскеей в набежавшем тумане. А Абаддон, придя в неопишное бешенство, стал громить всё вокруг.

Перед тем как переступить границу миров, Князь Тьмы, превратившись в седобородого старца со злющими-презлющими глазами, приказал своему главнокомандующему, трёхголовому демону Вельзевулу (кто-то называет его правой рукой повелителя Ада, а кто-то и вовсе считает одним из многих воплощений отца вселенского зла):

– Только вперёд и никакой пощады! Пусть Ангелы взвоют, увидев страдания смертных! Никто и ничто не должно нас остановить!

– Сир! – вдруг подал голос Бегемот, приняв облик огромного волка – Разреши мне первому позабавиться!

Князь Тьмы, став вдруг двенадцатиголовым, громогласно рассмеялся. Ему очень нравился этот «весельчак», спо-

собный смертных в одночасье превратить в подобие самого мерзкого животного, заставив грешить налево и направо.

– А что, я, в общем-то, не против! – оскалилась в улыбке первая голова.

– Иди, позабавься! – вторила ей вторая.

– Да смотри, нам хоть одного смертного оставь! – воскликнула третья.

– Вот-вот, – продолжила четвёртая, – а то в прошлый раз, когда мы покоряли Лазурный Мир, ты вообще никого в живых не оставил.

– Ты как всегда права, сестрёнка! – воскликнула пятая голова, выпустив столб едкого дыма.

– Но если встретишь тамошних Богов, то, прошу тебя, не слишком уж над ними издевайся! Они ведь и обидеться могут! – громко рассмеявшись, произнесла шестая.

– Вот-вот! – поддакнула ей седьмая голова повелителя Ада.

– А если вдруг, совершенно случайно, повстречаешь этих мерзопакостных Ангелов, то не трогай их! – предостерегла восьмая.

– Я сама жажду все до единого пёрышки повыдергивать! – вторила ей девятая голова, выпустив столб пламени.

– Полностью с тобой согласна! – поддакнула десятая.

А одиннадцатая и двенадцатая головы, повернувшись к Вельзевулу, оскалились в ужасной улыбке и хором воскликнули:

– Скоро всё живое покориться нам! Если, конечно же, мы хоть что-то оставим от этого, четырежды проклятого, трёхмирья!

Трёхголовый демон, отдав честь Князю Тьмы, выхватил стопудовый меч из золотых ножен и трижды прокричал:

– Слава Сатане! Слава Сатане! Слава Сатане!

– Слава! Слава! Слава! – троекратно раздалось в ответ.

Князь Тьмы, обернувшись гигантским змеем, прошипел:

– С-с-с-с-мерть с-с-с-с-ммертным!

– Смерть! Смерть! Смерть! – троекратно раздалось в ответ.

Бегемот, став самым обычным котом, что-то тихо промурлыкал на ухо Князю Тьмы. Правитель Преисподней, обвив его собой от головы до хвоста, оскалился в довольной улыбке. Демон, ловко выскользнув из крепких объятий хозяина, стал очень медленно исчезать прямо на глазах. Сначала пропали передние лапы, потом задние. Туловище изогнулось дугой и вскоре полностью растворилось в воздухе. Трижды вильнув, исчез хвост. Причём самый его кончик, несколько мгновений повисев в воздухе, вдруг распушился и превратился в быстрокрылых бабочек. Последним исчез рот, расплывшись, в самой милейшей из всех милейших, улыбке.

– Ш-ш-ш-шут гороховый! – совершенно беззлобно прошипел Князь Тьмы.

Получив известие от Гекаты, громовержец тотчас же по-

слал гонцов ко всем Богам. Даже про Аида не забыл. Да, правитель Тартара очень часто исподтишка вредил старшему брату. Но Зевс, в отличие от него, не был таким уж обидчивым и завистливым. Зная привычку Аида притворяться слепоглухонемым, громовержец послал к нему самого Гермеса. И чтобы ожидание не было таким уж удручающим, Зевс, с любовью посмотрев на Геру, предложил ей поговорить о детях. Арес, Гефест и Геба давно уже стали полноправными жителями Олимпа. Но больше всего любили Геру. Зевс бывал просто невыносимым из-за внезапно нахлынувшей на него огромной гордыни. К счастью, такое встречалось очень и очень редко. Ибо громовержец прекрасно осознавал, какая ответственность лежит на его божественных плечах. Гера, хоть и была очень обижена на мужа (уж очень тот часто ей изменял), как всегда сдержав праведный гнев, улыбнулась и согласилась.

Оглядев собравшихся, Сварог громогласно произнёс:

– Случилась великая беда! Наше трёхмирье в огромной опасности! Великая Стена Вечности, возведённая мной для защиты от вселенского Зла, полностью уничтожена!

По рядам бравых воинов несметной дружины отца всего сущего пошли возгласы негодования. Перун, пристально посмотрев на Сварога, тихо зашептался с братьями. Лишь Велес спокойно стоял, скрестив руки на груди, будто бы случившееся совсем его не касалось.

«Подумаешь, – размышлял он, – Великая Стена Вечности и так была совершенно бесполезной. Я не раз говорил братцу, что ничто не вечно. Даже мы, Боги, потомки великого Рода, можем уйти в Долину Забвенья, если про нас вдруг возьмут, да и позабудут смертные. Но Сварог и слышать ничего не хотел. Мол, я потратил много сил на создание этой преграды и она, просто-напросто, не может быть уязвимой. Будь Великая Стена Вечности такой уж прочной, то никто бы никогда не смог разрушить её. Я никогда не перестану повторять, что надеяться можно лишь на свои собственные силы».

Да, титан Род являлся родным отцом Велеса и Сварога. Но, в отличие от сердобольного брата, Бог-оборотень не так сильно любил смертных. Хотя многие в это просто бы никогда не поверили. Ведь Велес считался предвестником удачи, самым мудрым толкователем божественных законов, отцом песни, пляски, и прочего искусства, а так же милосердным покровителем путешественников и торговцев. Почему он не жаловал людей, было известно только ему самому. 13

Когда уже ничего целого, кроме вечно холодных стен мрачного подземелья, не осталось, демон обернулся шмелём и помчался следом за сбежавшими. Он так быстро летел, что даже не заметил огромной липкой паучьей сети, внезапно возникшей на пути. А попав в неё, тотчас же лишился чувств от нестерпимой вони. Прошло несколько мгновений и к добыче поспешило чудище, доселе никогда не встречав-

шеся в трёхмирье. Гигантская паучья голова покоилась да короткой шее бегемота. Сильно выпученные двенадцать глаз вращались в разные стороны. Часть туловища была паучья, а другая... попробую это описать... и волчья, и черепашня, и даже верблюжья одновременно. Хвост тушканчика постоянно топорщился. Каждая из четырёх пар паучьих лап была занята своим делом. Две передних непрестанно ткали ловчую нить и были похожи на руки бабушки, вяжущей носки. У обычных пауков, как ты знаешь, паутина выходит из желёз на брюшке. Следующие две пары лап помогали им, переворачивая жертву. Да так быстро, что в одно мгновение Абаддон оказался полностью перепеленутым паутиной. Идущие за ними две пары лап смачивали сеть росой. Она без этого могла быстро высохнуть под палящим солнцем, став сильно жёсткой. Тем временем две пары задних лап ядовитой слюной обволакивали демона. От этого он должен был, как и любая другая жертва, очень быстро погибнуть и превратиться в подобие желе. Чудище же не имело зубов и могло только всасывать еду. Но Абаддон-то не был обычной добычей. Как-никак, самый могущественный, после Князя Тьмы, конечно же, демон Ада. Придя в себя и увидев паука, зловредец, сильно поморщившись от отвращения, принял свой обычный облик и тотчас же кубарем полетел на землю. Чудище, поначалу сильно удивившись, поспешило за ним. Никогда ещё добыча не ускользала от него. Сильно ударившись о землю, демон на мгновение лишился чувств и вновь ока-

зался с головы до ног перепеленутым паутиной. Паук уже было приготовился укусить жертву, да только вдруг замер на месте, насквозь проткнутый огромным кинжалом. Абаддон поднял глаза и увидел улыбающегося кота.

– Бегемоша, – тихо прошептал он, с трудом дыша.

Кот, не снимая с морды улыбки, очень быстро освободил собрата.

– Как же тебя угораздило-то? – спросил, спустя мгновение, он.

– Да, понимаешь ли... – начал Абаддон да только договорить не успел.

Раздался ужасный свист и его сердце насквозь пронзили восемь стрел.

Первым, как обычно, появился Арес. Хотя и был от Олимпа очень даже далеко, наблюдая за очередным побоищем. В отличие от справедливой Афины, он любил войну за то, что она война. Дочь Зевса и Метиды (богиня мудрости) всегда выступала за праведность во всём и вся. Остановив свою колесницу прямо перед дворцом, Арес с любовью посмотрел на коней. Пламя и Ужас были в пене, а Шум и Блеск как будто бы совсем и не устали. Похлопав их по загривку, Бог кровавой бойни налил воды и насыпал овса. Войдя во дворец, Арес с порога мило улыбнулся Гере и слегка кивнул Зевсу. После чего занял своё место, справа от отца, и, скрестив руки на груди, произнёс:

– Слышал я, война намечается. Ну, что же, давайте это и обсудим. Кто же на этот раз возомнил себя Владыкой всего и вся?

Зевс недолюбливал сына и пропустил его вопрос мимо ушей. А Гера, наоборот, всегда сдувала с Ареса пылинки и с укором посмотрела на мужа. Не дождавшись ответа, Бог кровавой бойни, деланно обидевшись, встал и вышел из дворца.

– Зачем ты так, – укорила громовержца Гера, – мальчик задал тебе совсем не праздный вопрос.

Зевс, ударив кулаком по ручке трона, хотел было уже сказать что-то злобное. Но появившаяся Афина, как всегда, подействовала на него успокаивающе. Громовержец, увидев любимую дочь, расплылся в улыбке. Гера же надула губы и отвернулась. Она люто ненавидела всех детей Зевса, кроме своих, конечно же.

– Отец! – воскликнула Афина – Опять кто-то угрожает нам?

– Да, дочь моя, – сразу погрузнев, ответил Зевс, – утром ко мне прилетел голубь от Гекаты. Некий Абдукампунаристо, пришелец из Края Ненависти, вознамерился превратить наше трёхмирье в безводную пустыню, уничтожив всё и вся. Эх, и говорил же я Сварогу, давай укрепим Великую Стену Вечности жилами титанов. Так нет же, он посчитал свои заклятья несокрушимыми.

Следом за Афиной появились Гефест, Артемида, Аффо-

дита и Аполлон. Деметра с Гестией передали, что пока не могут явиться на зов Зевса. И самым последним, как всегда, появился вечно недовольный Аид. С презрением посмотрев на собравшихся, он кивнул Аресу, которого любил всем своим чёрным сердцем, и сел слева от старшего брата, даже не улыбнувшись ему. Зевс хотел было уже начать, как вдруг послышалось:

– Всё хуже, чем мы предполагали!

И в тронный зал вбежал запыхавшийся Гермес. Все тут же посмотрели на него.

– Не только Абдукампунаристо решил пойти войной на наше трёхмирье, – еле сдерживая учащённое дыхание, произнёс Бог красноречия и вдруг замолчал.

Не дождавшись продолжения, Зевс нетерпеливо воскликнул:

– Кто ещё?!

Но Гермес как будто воды в рот набрал.

Только оказавшись за триста вёрст от Буяна, Индрик Змей и Параскея смогли наконец отдышаться. Да, повелитель Подземного Царства хвастался Гекате, что совсем не боится Абаддона. Но когда увидел демона прямо перед собой, то сразу же похолодел от ужаса. И у него была для этого причина.

Когда Индрик Змей, в первый и последний раз, посетил

Тартар, то сразу же отправился к вечным Мойрам. Старшая дочь Зевса и Фемиды, Лахесис, видящая жизнь ещё до её появления и отвечающая за прошлое, пристально посмотрев на него, произнесла:

– Ты уже рождён с печатью Смерти.

Её средняя сестра, Клофо, видящая настоящее, отложив веретено Жизни, всплеснула руками и тихо сказала:

– Ты просто ужасен...

А самая младшая из Мойр, Атропос, витающая в грядущем, ловко перерезав золотыми ножницами чью-то нить, воскликнула:

– У тебя нет будущего!

Отец зла, конечно же, ничего не понял и попытался расспросить поподробнее. Но богини Судьбы, что-то бросив в костёр, исчезли. Индрик Змей хотел было уже уйти, как вдруг кто-то тонюсеньким голоском произнёс:

– Что тут непонятного-то, дурень! Погибель твоя в руках двоих! Один огненный, а другого узнаешь по глазам!¹⁴

Бегемот, абы кабы ничего с ним не случилось, предпочёл быстро раствориться в воздухе, оставив, стонущего от нестерпимой боли, собрата корчиться на земле. И Абаддон за это его ни чуточку не осудил, ибо поступил бы точно так же. Ну не принято было у демонов помогать друг другу. Это ведь только у смертных в ходу пословица: «Сам погибай, а товарища выручай». А у них наоборот: «Наплюй на всё

и вся, своя жизнь намного дороже».

– Что, злыдень, думал, что все твои коварства тебе с рук сойдут?! - услышалось откуда-то сверху.

С большим трудом перевернувшись на спину, Абаддон открыл глаза и ужасно удивился, увидев Кирию, истребительницу демонов. Многие его собратья пострадали от рук этой невысокой, но очень сильной и храброй девушки. А кое-кто и вовсе распрощался со своей бессмертной жизнью. Сам Князь Тьмы опасался воительницу. И было из-за чего. Ходили слухи, что Кирию создал Архангел Уриил из Вечного Божественного Света, наделив способностью лишать бессмертия при помощи огненных стрел и разящего меча. Кого-кого, а её Абаддон и вовсе увидеть не чаял.

Бесчисленное множество лет назад демоны Ада ходили меж смертных, повсюду безнаказанно сея зло. Отличить от обычных людей их могли либо Архангелы, либо Всеведущие. Но первым вовсе не до этого было, а вторых никто никогда в глаза не видел. Вот и творили опричники Князя Тьмы свои чёрные дела, не боясь никого и ничего. То девчести лишат, то вселятся в смертного и страшно грешат налево и направо, то немочь лютую нашлют, то смертные души за бесценок купят, то нашепчут всякой околесицы людям и те идут войной друг на друга. В общем, потешались как хотели. Даже Творец тлетворным был не указ. Да, они его очень даже опасались, но, как говорить: «До Бога высоко...» Лю-

ди, устав от их коварств, воззвали к Создателю. И Творец, разгневавшись сильно, послал к ним на помощь Абаддона. Демон тогда был Оружием Господним, беспощадно наказывая тех, кто пошёл против жизни, правды и справедливости. То разящим мечом голову снесёт, то голыми руками на части порвёт, то полчищем саранчи обернётся, уничтожая всё на своём пути. И ему было совсем не важно, кто перед ним, человек или, такой же как и он, ангел. Абаддона очень даже боялись. Причём не только грешники, но и сам Князь Тьмы. Почему? Да потому что посланник Творца был слишком жесток и никого никогда не оставлял в живых. И люди уже на него пожаловались Творцу. Создатель, поначалу, не поверил. Мол, не может рядом со мной быть изверг. И послал всё хорошенько разузнать Архангела Варахиила. Но демону удалось перехитрить доверчивого небожителя. Он притворился сильно огорчённым «наветом» и даже нашёл смертных, которые полностью «оправдали» его. И Варахиил сообщил Господу, что милее и добрее Абаддона нет, не было и не будет. Тогда Творец разгневался уже на людей. Он послал на Землю Архангела Михаила, который славился не только своей справедливостью, но и беспощадностью. Смертные, увидев его, очень испугались и наперебой стали говорить про Абаддона лишь самое хорошее. Но Архангела не так-то просто было обвести вокруг пальца. Нахмутив брови, он велел говорить правду и только правду. Смертные ещё больше перепугались и замолчали. Тогда Михаил, потеряв терпение, вынул меч

из ножен, намереваясь покарать обманщиков. Но, появившаяся из ниоткуда, невысокая девушка слегка прикоснулась к его руке, заставив опустить разящее оружие, и рассказала, как всё было на самом деле. Архангел тотчас же успокоился и, до конца выслушав заступницу, пообещал как следует наказать лжеца. Но Абаддон и на этот раз вышел сухим из воды. Он притворился «сильно раскаявшимся», «пообещав» впредь быть более милосердным. Хотя и не поверил ему Михаил, но... И у небожителей есть свои слабости. Когда Архангел, расправив белоснежные крылья, улетел, демон решил разобраться с «предательницей». Но сколько бы он не тужился, никакого вреда заступнице так и не смог причинить. Зато она несколько раз заставила его взвыть от нестерпимой боли, нанося, незаметные глазу, удары разящим мечом. Вконец вымотавшись, Абаддон взмолился о пощаде. Воительница, презрительно на него посмотрев, вложила оружие в ножны и заставила поклясться кровью в том, что он никого никогда больше несправедливо не покарает. Демону ничего не оставалось, как взять и выполнить это. Но когда незнакомка исчезла, злооредец тотчас же обо всём позабыл. И снова стали страдать смертные. Когда их мольбы достигли ушей Творца, то на Землю явился Архангел Уриил. Да не один, а с воительницей. Увидев его, Абаддон понял, что пропал и попытался улизнуть, обернувшись туманом. Но Архангел набросил на него сеть. А воительница, вынув из ножен разящий меч, уже хотела было покарать лже-

ца, но не успела, сражённая предательским ударом в спину. Увидев это, Уриил сильно опечалился. Ведь «погибшая» была созданием рук его.

Но недолго бездействовал Архангел. Уже через мгновение он покарал убийцу, испепелив его своим гневным взглядом. После чего схватил Абаддона и вместе с ним полетел на небо. Творец, не внемля крикам о пощаде, прикоснулся до демона дланью своей и лишил божественной печати.

– Не место тебе подле меня! – крикнул Создатель и низверг изверга в Ад.

Прочитав мысли демона, воительница улыбнулась, показав белые, как бивни слона, зубы.

– Что, коварец, удивлён?! Думал, что мы больше никогда не встретимся?! – воскликнула она – Как видишь, я живее всех живых и не успокоюсь, пока полностью не сживу тебя со свету!

Параскея с нескрываемым удивлением смотрела на своего учителя. Оно и понятно. Ведь она считала его непобедимым храбрецом. И на тебе. Сбежал как трус последний. Прочитав мысли любимицы, Индрик Змей со всей силы ударил её по щеке, воскликнув:

– Не тебе меня судить, дура!

Дочка Гекаты от неожиданности замерла на месте. Ведь повелитель Подземного Царства всегда был таким добрым

к ней. А когда пришла в себя, то тут же, в сильном гневе, стала произносить самые ужасные проклятья, которые давно бы уничтожили любого. Но только не отца зла. Увидев старания ученицы, Индрик Змей тотчас же успокоился и, скрестив руки на груди, стал просто наблюдать. Поняв, что всё её потуги совершенно бесполезны, Параскея мило улыбнулась и прижалась щекой к волосатой руке коварца.

– Ладно, ладно, хватит уже подлизываться, негодяйка! – беззлобно воскликнул Индрик Змей.

Дочка Гекаты, подмигнув ему, произнесла:

– А не повеселится ли нам. Я видела там невдалеке какое-то поселение людское.

Повелитель Подземного Царства, улыбнувшись в ответ, потрепал любимицу по голове и сказал:

– Это ты хорошо придумала. Пора бы уж вновь показать этим проклятым смертным, кто их хозяин.

Но свершиться коварству помешал Бегемот, вдруг возникший из ниоткуда. Увидев демона, Индрик Змей, поначалу, даже очень испугался. Но, вспомнив про Параскею, нацепил маску полного безразличия. Ведь не Абаддон же был перед ним. Правая рука Князя Тьмы, обернувшись огромным волком, прорычал:

– Что, злыдень, всё свои коварства творишь?!

Но отец зла совершенно спокойно ему ответил:

– Не твоё собачье дело, тлетворный.

Поняв, что так просто Индрика Змея не запугать, Бегемот

вновь стал котом и, мило улыбнувшись, произнёс:

– Зачем нам ссориться? Ведь и ты, и я одного поля ягоды.

Потом, подозрительно посмотрев на Параскею, в самое ухо сказал зловредцу:

– Предлагаю тебе присоединиться к чёрному войску Князя Тьмы. Обещаю, когда мы поработим это трёхмирье, ты в обиде не останешься.

Индрик Змей, услышав это, тут же согласился. Почему? Да потому что решил, что с помощью повелителя Преисподней добьётся всего, чего так давно желал.

Сварог, посмотрев на каждого из собравшихся, вынул булатный меч из серебряных ножен и, подняв его над собой, воскликнул:

– Не дадим Злу разрушить наше трёхмирье! Защитим смертных от порабощения и мучительной Смерти! Вперёд, братья мои!

По рядам воинства тут же пошли одобрительные возгласы.

– Слава отцу всего сущего! – воскликнул Перун.

– Слава! Слава! Слава! – троекратно произнесли сварожичи и brave воины.

Лишь Велес, сплюнув себе под ноги, недовольно проворчал:

– Какое мне дело до смертных. А с Абаддоном и договориться можно. Как, впрочем, и с любым другим завоевате-

лями.

Сварог уже хотел было повести своё великое воинство в Поднебесное Царство, как вдруг услышал голос белки:

– Всё хуже, чем я думала, отче!

Старший сын Рода, опустив меч, подробно обо всём её расспросил. После чего, сильно опечалившись, сказал сыновьям и воинам:

– Беда никогда не приходит одна. Враг всего сущего, Князь Тьмы совсем близко к границе миров.

Услышав это, Велес сказал себе под нос:

– А вот это уже даже очень не хорошо.

Белка снова стала о чём-то быстро говорить. Выслушав её до конца, Сварог, топнув в сердцах ногой, воскликнул:

– И почему я не послушал Зевса!

От услышанного все замерли. Ещё никогда отец всего сущего не был так похож на старика.

Афина, почуяв неладное, тут же бросилась на помощь к Богу красноречия. Гермес был сам не свой. Жгучие слёзы, не переставая, текли из глаз, полностью лишая зрения. В ушах стоял ужасный звон. В рот как будто залили расплавленный свинец. Язык распух, еле умещаясь меж зубов. Горло саднило. А тело сотрясалось от страшной дрожи. Пристально посмотрев на собрата, дочь Зевса увидела нечто ужасное. Какое-то, неведомое ей, чудовище присосалось к телу несчастного. Змеиная голова вместо пасти заканчивалась

огромной воронкой. Туловище было наполовину ящера, наполовину слизня. Восемь лап, крепко-накрепко, обхватили Гермеса, совсем не давая ему двигаться. А двенадцать выпученных паучьих глаз, не моргая, смотрели на богиню.

– Фу, мерзость какая! – брезгливо воскликнула Афина.

– Это ампоникарпинус, – послышался голос подошедшего Аида, – я видел таких в своих снах. Злющие создания. И, главное, управы-то на них нет никакой. Просто прелесть!

Вскоре и остальные Боги окружили Гермеса. Последним подошёл Зевс и попытался отодрать чудище от бедного Гермеса. Но тщетно. 15

Огненные стрелы, пройдя сквозь сердце Абаддона, разорвали его на мелкие кусочки. Но это совсем не убило зловредца. Да, причинило очень сильную боль. Даже небольшое помутнение рассудка вызвало. Но со свету не сжило. Мойры не обманули. Однако сердце никак не хотело самоисцеляться, к большому удивлению Абаддона. Ведь до этого все раны, даже самые глубокие, затягивались прямо на глазах. Через мгновение удивление переросло в страх, который вскоре стал паническим ужасом.

«Неужели это начало конца!?! – подумал вдруг демон и почувствовал, как по всему телу побежали холодные мураши – Нет, не может быть! Мойры обещали мне! Только молнии Зевса могут отнять мою бессмертную жизнь! А вдруг... Нет, не может этого быть! Нет! Нет! Нет!»

Кирия, с глубочайшим презрением посмотрев на поверженного врага, увидела дикий ужас в его глазах.

– Поделом тебе, злоредец! – воскликнула она – Теперь знаешь, по чём фунт лиха!

Страшные мучения Абаддона вновь подтвердили её уверенность в том, что даже самые отъявленные посланцы Князя Тьмы уязвимы.

Дочь Уриила прекрасно знала про пророчество Мойр, но отступить от своей цели никак не могла. Да и не хотела этого. «Идти наперекор Судьбе во имя справедливости и правды», – было девизом воительницы. И ещё ни разу она ему не изменила.

Почему же огненные стрелы никак не давали сердцу демона самоисцелиться? Всё очень просто. Разорвав его, они в одно мгновение превратились в расплавленное олово, проникшее в каждый кусочек, не давая ему срастись с остальными.

Затравленно посмотрев на Кирию, Абаддон тихо произнёс:

– Празднуешь победу? Не рановато ли? Открою ужасную тайну. Скоро всему твоему трёхмирию придёт конец.

Услышав это, воительница громко рассмеялась. Демон с нескрываемым удивлением посмотрел на неё.

«Чего такого смешного я сказал?! – подумал коварец – Скоро её трёхмирию конец, причём, очень даже заслуженный! А она смеётся как безумная! С ума сошла, что ли, на самом деле от ужаса?! Или просто-напросто не верит в могущество хозяина Ада?! Вот дура-то! Ещё ни один из миров, захваченных несметным воинством Сатаны, не возродился снова!»

– Ты что, имеешь в виду твоего безумного хозяина?! – успокоившись, воскликнула воительница – Зря! Даже всё Зло миров, объединившись, не сможет нанести вреда ни Небесному, ни Поднебесному Царству!

– Твоя уверенность в несокрушимости творения ничтожных богов просто умиляет, – так же тихо произнёс демон, – сама же прекрасно знаешь, что мне удалось разрушить Великую Стену Вечности. А ведь Сварог считал своё творение несокрушимым. И ошибся. Как и все здешние боги он, всего-навсего, слишком самоуверенный безумец. Причём, совершенно ни на что, кроме самолюбования, не способный. И имея таких небожителей, ты продолжаешь веровать в вечность своего трёхмирья? Безумица. Раскрой пошире глаза. Всё имеет своё начало и конец. Даже Вечность не вечна. Поверь мне, для тебя и всех ничтожных смертных будет намного лучше, если вы, раз и навсегда, признаете себя рабами моего повелителя. В отличие от твоих безумных богов, он ещё никогда ни в чём не ошибся.

Кирия, вновь смерив его презрительным взглядом, спо-

койно ответила на это:

– А твоя уверенность в непобедимости сборища Князя Тьмы меня просто смешит. Да, да, смешит. Смотри, я просто сейчас лопну от смеха. Ты, наверное, уже давно подзабыл, что несметное войско Творца уже трижды низвергало демоническую ораву назад в Геену огненную. И даже «могущество» твоего самовлюблённого хозяина не спасло вас от бегства. Да и про то, что Создатель, ради спасения смертных, взял и забросил, четырежды проклятую, Преисподнюю как можно дальше от моего трёхмирья, ты тоже забыл. Ну и короткая же у тебя, злооредец, память.

– На этот раз всё будет по-другому, – себе под нос сказал Абаддон и попытался подняться на ноги.

Увидев это, воительница мгновенно выхватила из серебряных ножен, висящих на прочном ремне из кожи буйвола, кинжал и, прикоснувшись к телу демона, нарисовала на нём Знак Семи. Тотчас же молнии загорелись нестерпимым огнём, полностью лишив изверга воли. Убедившись в неподвижности Абаддона, Кирия сотворила сеть. И крепко-накрепко опутала ею демона с головы до ног. Сделав дело, дочь Уриила хлопнула в ладоши и тотчас же с небес спустились два крепких грифона.

– Унесите это подобие Зла в чертог Творца! – приказала она.

Грифоны, кивнув головами, взяли сеть в клювы и взмыли под небеса. А Кирия, проводив их взглядом, оберну-

лась быстрокрылой ласточкой и устремилась на Олимп. Хоть и было до чертога Сварога крылом подать, но она предпочла ему Зевса.

Почему? На этот вопрос может ответить только сама воительница. А я могу лишь догадываться. Быть может, тому виной великая самоуверенность отца всего сущего. Ведь старший сын Рода отверг любую помощь, посчитав Великую Стену Вечности несокрушимой. А, может быть, всё случилось из-за неприятия Творцом гордыни Сварога, считавшего Землю лишь своим детищем. Но ведь и Зевс точно так же думал! Нет, не знаю. И гадать не хочу. Что случилось, то случилось.

– Что с тобой, отец? – взволнованно спросил Перун.

Сварог, подняв на него печальные глаза, тихо ответил:

– Если бы я принял помощь Зевса, то Великая Стена Вечности никогда бы не исчезла. О, горе мне, горе. Ведь именно из-за моей непомерной гордыни в наше трёхмирье вторглось абсолютное Зло. Как Абаддону удалось разрушить преграду, не ведаю. Скорее всего, он произнёс какое-то древнее заклинание. Да разве это сейчас важно? Что сделано, то сделано и назад ничего уже не повернёшь. Никому не подвластно изменить течение времени безнаказанно. Если с Абаддоном мог справиться Зевс, то с Князем Тьмы совладеет лишь. Но с ним я, вот уже тысячу лет, в огромной ссоре.

И опять же. всему причиной была моя непомерная гордыня. Возомнил, понимаешь ли, себя единственным и неповторимым создателем. А на самом-то деле, не только я сделал наше трёхмирье таким, какое оно есть сейчас. В этом заслуга всех небожителей. Но больше всего сил, конечно же, потратил Творец. Он так же, как и все Боги трёхмирья, явился из иных миров. Но только на двести лет раньше нас. Именно Создатель сотворил Солнце и Луну, наказав первому начинать день, а второй его тихо заканчивать. И бесчисленные звёзды, и воздух, которым мы дышим, и Млечный Путь, связующий миры. А уж потом мы, появившись из Вечности, вместе с ним создали моря с океанами и реки с озёрами. Населили их рыбами да тварями всякими. Затем со dna океана достали сушу и сотворили высокие горы с бесконечными равнинами. И принялись заселять всё это. Появились деревья с травами, ключи целебные, звери с птицами и гады ползучие. И, под конец, мы решили создать венец своего творения, человека, наделив его всем тем, что было присуще нам: образом и подобием. А избранным дали власть не только над стихиями и всем живым, но и над такими же, как и они, людьми. Посмотрев вокруг, порадовались делу рук своих. И предложили Творцу главенствовать над нами. Но он, улыбнувшись, отказался, сказав лишь:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.